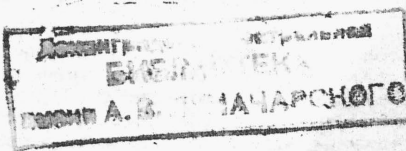

ПЕЧАТЪ И ИСКУССТВО

И. Е. Рѣпинъ. (Съ портрета работы В. Сѣрова).
(Къ полувѣковому юбилею 25 ноября).

XXI годъ изданія. 1917
№ 48

Воскресенье, 26 ноября.

Цена отд. № 60 коп.
На ст. жел. дор. 70 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 52 №№ ежен. иллюстр. журн., съ прил. 12 ежемѣсячн. книгъ „Библиотека Театра и Искусства“. На годъ (съ 1 янв.)—10 руб., для новыхъ подписч. (абонир. послѣ 1-го юля)—15 р.; на полг. 8 р., за гран. 12 р.		ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: (строка нонпареля въ третью страницу) впереди текста 1 р. 25 к., позади текста 90 к. □ □	
Отдѣльные №№ по 60 коп.		КОНТОРА РЕДАКЦИИ: Петроградъ, Вознесенскій пр., № 4. (Открыта съ 10 час. утра до 5 час. вечера. Телефонъ № 16-69).	

СОДЕРЖАНІЕ: Театръ безъ газетн. объявленій.—Хроника.—Піонеръ русскаго театра. (Къ 200-лѣтію рожденія А. М. Сумарокова) Н. Негрева.—Какофонія художественности и бутафорщины. (Къ постановкѣ „Саломей“) А. Ростиславова.—Изъ моей записной книжки. О „Вампукъ“. П. Гиблича.—Замѣтки. **НОВОЕ ПОУЧЕ.**—Маленькая хроника.—Провинція.

Рисунки и портреты: И. Е. Рѣпинъ, къ юбилею Рѣпина (6 рис.), А. Н. Сумароковъ, Союзъ актеровъ Малаго театра (группа), „Саломея“ (2 рис.), „Хороводъ“.

Петроградъ, 26 ноября 1917 года.

Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ „декретовъ“ новаго правительства „народныхъ комиссаровъ“—былъ „декретъ“ о воспрещеніи печатать объявленія въ газетахъ, чѣмъ, какъ объясняетъ „Правда“, „будутъ уменьшены чудовищные дивиденды“ „буржуазныхъ газетъ“. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько велики эти „дивиденды“, и не чаще ли доходъ съ объявленій позволяетъ изданію существовать съ хлѣба на квась—ограничимся вопросомъ: а какъ же интересы объявителей, публики? Вѣдь они объявленіями не подарки дѣлаютъ „буржуазнымъ газетамъ“, а „сближаютъ продавца съ покупателемъ“. Въ частности, театры поставлены въ самое глупое положеніе. Афишъ никто не читаетъ, и свѣдѣнія о театрахъ публика получаетъ изъ газетныхъ объявленій. Сейчасъ театры не знаютъ, какъ быть. Газеты го выходятъ, то не выходятъ, то принимаютъ объявленія, то не принимаютъ, а театры страдаютъ... Неужели, изъ ненависти къ газетамъ слѣдуетъ бить и театръ? Что за странная заботливость о просвѣщеніи массы!

По существу же самага „декрета“ мы предпочитаемъ, вообще, ничего не говорить: существо ясно само собой...

На совѣщаніи представителей Петроградскихъ театральнхъ дирекцій рѣшено ввиду затрудненій, встрѣчаемыхъ въ послѣднее время по помѣщеніи объявленій о спектакляхъ въ повременной печати, издавать одну общую афишу для всѣхъ театровъ, которую развѣшивать не только на видныхъ мѣстахъ, но и взаимно у подъѣздовъ и въ фойе петроградскихъ театровъ.

Вслѣдствіе тревожныхъ событій, переживаемыхъ Петроградомъ, „День русскаго театра“ 22 ноября не могъ быть въ большинствѣ театровъ использованъ. Поэтому, какъ мы слышали, среди петроградскихъ театральнхъ дѣятелей возникла мысль отложить устройство этого дня на январь мѣсяцъ. Въ общемъ, какъ и слѣдовало ожидать, вниманіе къ Т. О. не только не ослабѣло, но значительно усилилось.

Нельзя не отмѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательнаго факта: въ засѣданіи правленія союза проф. сцен. дѣят. постановлено ассигновать 3000 р. на благотворительныя нужды Т. О.

„Осотопъ“ т. е. управленіе по топливу, наконецъ, пришло къ соглашенію съ союзомъ проф. дѣятелей сцены относительно открытія театровъ. Во 1) поставлено требованіе сократить освѣщеніе на 50% противъ 1916 г., во 2) рѣшено кинематографы открывать 3 раза въ недѣлю, театры миниатюръ—4 раза, а большіе театры (счетомъ до 15) каждый день. Классификацію театровъ производитъ союзъ,

руководствуясь какъ значеніемъ театра, по эстетическому мѣрилу союза, такъ и количествомъ членовъ союза въ труппѣ.

Существуетъ предположеніе обложить особымъ 20 коп. сборомъ театральные билеты, причемъ 10 коп. изъ нихъ отдавать въ фондъ обезпеченія сцен. дѣятелей отъ безработицы, а 10 к. — въ пользу безработныхъ рабочихъ. Мѣру эту слѣдуетъ привѣтствовать, во всякомъ случаѣ.

Хроника.

Слухи и вѣсти.

— Инцидентъ на спектаклѣ 21 ноября въ Маріинскомъ театрѣ—„Русланъ и Людмила“. Въ спектаклѣ долженъ былъ участвовать военный оркестръ Финляндскаго полка. За нѣсколько часовъ до спектакля управляющій Маріинскаго театра А. И. Зилоти получилъ увѣдомленіе, что военный оркестръ, согласно требованію новаго полкового комитета, долженъ остаться въ казармѣ, гдѣ происходилъ балъ. Вслѣдствіе неприбытія оркестра, пришлось выбросить изъ оперы нѣсколько номеровъ.

— Е. Н. Рощина-Инсарова, какъ намъ сообщаютъ, окончательно покинула Александринскій театръ. На будущій сезонъ она подписала въ Малый театръ, какъ говорятъ, на 50000 руб.

— Литейный театръ, съ дирекціи коего уже была взята подписка объ очищеніи къ 20 ноября помѣщенія подъ полевую почту, освобожденъ отъ реквизицій.

— Объявленные въ Музыкальной драмѣ концерты, послѣ спектакля, Изы Кремеръ отмѣнены.

— Дирекція Музыкальной драмы рѣшила прибѣгнуть къ системѣ гастролей. Ведутся переговоры съ г.г. Шалепинымъ, Собиновымъ, г-жей Липковской и др.

— Въ Петроградѣ формируется труппа для театра Гельсингфорскаго Совѣта Р. и С. Депутатовъ.

— Дирекціей „Кривого Зеркала“ принята къ постановкѣ пьеса англійскаго писателя Бэри, на тему о социальныхъ контрастахъ. Переводъ сдѣланъ Л. Б. Яворской.

— Слѣдующей премьерой въ Троицкомъ театрѣ пойдетъ „Ганнеле“.

— Новая пьеса О. Миртова „Блаженная“ пойдетъ въ театрѣ Незлобина въ Петроградѣ и Москвѣ.

— Лишившись театра, А. А. Суворина предприняла продолжительную поѣздку. Пригласивъ пианистку Я. Залѣвскую и еще пѣвицу, А. А. Суворина организовала концертное тріо, сама выступая, какъ чтица. Маршрутъ: Сибирь, Китай, Японія и Америка. Поѣздка разсчитана на 1½ года.

— На этой недѣлѣ состоятся премьеры въ слѣд. театрахъ: въ Александринскомъ—„Дочь моря“ Ибсена и въ театрѣ Сабурова—„Воспитаніе принца“ М. Доннэ.

— Сибирскій театральнхъ сѣздъ. На 20-е ноября въ Иркутскъ назначенъ сибирскій областной сѣздъ представителей профессиональных союзовъ музыки, сцены, кино и арены. Театральное общество командировало туда своихъ представителей: отъ мѣстнаго отдѣла въ Иркутскѣ—А. С. Чернова и отъ совѣта Т. О.—О. М. Поршина.

Московскія вѣсти.

— Спектакли въ Государственныхъ театрахъ и Художественномъ возобновились 21 ноября.

— Общимъ собраніемъ профессиональнаго союза московскихъ актеровъ принята общая резолюція, въ которой, между прочимъ, предложено: а) выразить протестъ противъ назначенія комиссаровъ надъ театрами; б) всемерно защищать свободу театра и его работниковъ; в) принять немедленно энергичныя мѣры для организаціи спеціального фонда на случай возможнаго кризиса въ жизни театра, и т. д.

— Въ послѣдній приѣздъ въ Москву главнаго комиссара государственныхъ театровъ Ф. А. Головина состоялось первое засѣданіе комиссіи по вопросу о реорганизаціи Малаго театра.

Въ докладѣ затронутъ вопросъ о желательномъ сокращеніи многихъ лишнихъ расходовъ: такъ, напримѣръ, одинъ комендантскій отдѣлъ стоитъ въ годъ 215.000 руб. Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи высказались за желательность опредѣленной субсидіи отъ правительства, съ тѣмъ, чтобы труппа отвѣчала за всѣ расходы.

* * *

† Р. Чечотъ. Скончался послѣ продолжительной болѣзни въ преклонномъ возрастѣ извѣстный музыкальный критикъ В. Чечотъ. Покойный долгое время работалъ въ „Кіевской Мысли“, а въ послѣдніе годы писалъ музыкальныя рецензіи въ „Обзорнѣи театровъ“.

Чечотъ очень популяренъ въ музыкальныхъ кругахъ. Одно время онъ состоялъ профессоромъ консерваторіи.

* * *

† Н. А. Благовѣщенскій. Получено извѣстіе о смерти опернаго артиста Н. Л. Благовѣщенскаго, служившаго въ Москвѣ въ оперѣ С. И. Зимины 10 лѣтъ. Умеръ покойный отъ чахотки въ Туапсѣ, гдѣ онъ лечился за счетъ своихъ товарищей.

* * *

Маринскій театр. Переживаемое нами тяжелое время, конечно, отражается и на дѣятельности Государственной оперы, до сихъ поръ не давшей ни одной изъ предполагаемыхъ новинокъ. Хорошо хоть то, что каждую недѣлю возобновляется какая-либо изъ оперъ прошедшихъ сезоновъ. Послѣдними возобновленіями были „Борисъ Годуновъ“ Мусоргскаго и „Самсонъ и Далила“ Сень-Санса, не шедшія здѣсь года два-три. Эти спектакли представляли особый интересъ въ томъ отношеніи, что въ главныхъ партіяхъ появились новые исполнители. Въ партіи царя Бориса впервые выступилъ г. Боссэ. Умный, интеллигентный артистъ и пѣвецъ съ хорошо поставленнымъ, содержательнымъ голосомъ—г. Боссэ въ общемъ удачно справился съ своей задачей, давъ яркій, хотя нѣсколько не русскій типъ Бориса. Артистъ игралъ съ драматизмомъ, фразировалъ правильно и выразительно. Впечатлѣнію нѣсколько вредилъ только иностранный акцентъ, отъ котораго г-ну Боссэ никакъ не удастся отдѣлаться и который особенно даетъ себя чувствовать именно въ русскихъ операхъ. Монологъ Бориса исполненъ г-номъ Боссэ съ экспрессіей, съ большимъ драматизмомъ проведена сцена съ Шуйскимъ, оригинально и съ захватывающимъ реализмомъ—сцены прощанія съ сыномъ и смерти. Обратила на себя вниманіе мимика артиста во время разсказа Пимена (г. Касторскій). Новой исполнительницей партіи Марины была г-жа Павлинова, пѣвшая музыкально и красиво, но недостаточно законченно. Сценическій образъ Марины не нашелъ у г-жи Павлиновой яркаго воплощенія. Съ удовольствіемъ можно отмѣтить, что въ этомъ сезонѣ шедевръ Мусоргскаго возобновленъ полностью, безъ дѣлавшихся ранѣе купюръ. Исполнены какъ сцена съ Рангономъ, такъ и великолѣпная сцена подъ Кромами, въ которой отличился превосходный хоръ Государственной оперы. Дирижировалъ г. Малько, вдумчиво и внимательно отнесшійся къ партитурѣ „Бориса“.

Возобновленіе прекрасной оперы Сень-Санса „Самсонъ и Далила“ безусловно слѣдуетъ привѣтствовать во всѣхъ отношеніяхъ. Постановка „Самсона“ осталась прежней, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ mise en scène перваго акта и балетныхъ номеровъ, заново поставленныхъ г-номъ Романовымъ. Танцы перваго акта скомпанованы довольно красиво, но неудачно въ смыслѣ планировки: танцовщицы все время толкали Далилу и этимъ мѣшали ей пѣть. Вахханалія третьяго дѣйствія поставлена значительно лучше и свидѣтельствуеетъ какъ о вкусѣ, такъ и о балетмейстерской фантазіи г. Романова. Эффектно появленіе жрицъ Дагона съ горящими въ ихъ рукахъ чашами (жаль только, что отъ быстрого движенія огонь въ нѣкоторыхъ чашахъ скоро погасъ), интересны танцы жрицъ съ тимпанами. Вообще, вся вахханалія поставлена колоритно и красиво. Строгіе судьи, впрочемъ, могли быть не-

довольны отсутствіемъ стили въ костюмахъ вакхантовъ и вакханокъ. Слишкомъ ужъ библейскіе филистимляне походили на классическихъ эллиновъ! Изъ артистовъ приходится остановиться на новой исполнительницѣ партіи Далилы—г-жѣ Захаровой, молодой пѣвицѣ, дѣлающей замѣтные успѣхи и теперь уже занимающей въ обширной труппѣ Маринскаго театра очень видное мѣсто. Г-жа Захарова выступила въ оперѣ Сень-Санса впервые, и это, конечно, накладывало нѣкоторый отпечатокъ на исполненіе, пока еще не носившее характера полной художественной законченности какъ въ музыкальномъ, такъ и сценическомъ отношеніяхъ. Впрочемъ, прекрасныя вокальныя данныя артистки, соединенныя съ общей музыкальностью, равно какъ и сценическія способности позволяютъ ей, будемъ надѣяться, въ самомъ недалекомъ будущемъ вполне овладѣть трудной и отвѣтственной партіей Далилы. Что касается исполненія г-жи Захаровой на премьерѣ, то, при правильно задуманномъ и красиво созданномъ ею образѣ обольстительницы Самсона, хотѣлось бы, однако, большей естественности и большей страстности Далилы. Между прочимъ, артисткѣ необходимо болѣе ярко подчеркнуть и отмѣнить ту ненависть, съ которой красавица-филистимлянка относится къ врагу своего народа: г-жа Захарова была слишкомъ добродушной Далилой. Фразирсвала артистка выразительно, пѣла красиво, но мѣстами чувствовалась нѣкоторая осторожность на верхнихъ нотахъ. Удачные всего исполнены арія перваго акта „Весна псывилась“ и знаменитый дуэтъ „Открылась душа“... Возобновленіе „Самсона“ совпало съ первымъ выходомъ въ этомъ сезонѣ г. Ершова, по прежнему горячаго и эффектнаго Самсона. Голосъ артиста за это время отдохнулъ и звучалъ прекрасно. Характеренъ въ роли жреца Дагона г. Тартаковъ, неизмѣнно остающійся большимъ мастеромъ фразировки и удивительно сохранившій до сихъ поръ какъ голосъ, такъ и искусство владѣть имъ. Шла опера подъ управленіемъ г. Асланова.

Ал—ый.

* * *

Театръ Зброжекъ-Пашковской. Этотъ миниатюрный театрикъ заслуживаетъ большой похвалы, среди своихъ собратій, гдѣ кинематографъ сопровождается лубочными спектаклями и дивертисментами, онъ ведетъ литературный репертуаръ, даетъ не пошлую музыку. Режиссеръ г. Бертельсъ и дирижеръ г. Вилинскій на высотѣ задачи. Маленькая труппа играетъ тщательно, видны хорошая срепетовка, любовное отношеніе къ дѣлу, стройный ансамбль.

Театръ не угоджаетъ толпѣ, а ведетъ ее за собой, воспитываетъ художественный вкусъ.

Въ послѣдней программѣ прекрасно играетъ г-жа Перегонецъ въ „Безнравственной женщинѣ“, по Джеку Лондону. Она даетъ благоуханный образъ дѣтской чистоты, наивности, вызывающей свѣтлый смѣхъ.

Искрится юморомъ, хотя и написана на не разъ использованную тему, буффонада г. Чужъ-Чуженина „Флиртъ“, гдѣ любовникъ не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ принявшей флиртъ всерьезъ и приѣхавшей отъ мужа съ мебелью и скарбомъ чужой жены.

Шутка г. Аверченко „Жоржикъ“, гдѣ носитель этого имени держитъ забавный нейтралитетъ между „бранящимися милыми“, также заставляетъ расходиться морщинамъ на челѣ. Въ этихъ двухъ пьесахъ выделялась г-жа Солянская.

Въ изящныхъ инсценированныхъ куплетахъ-юмореск. г. Агнивцева „Бимъ-бомъ“, шутиливо разсказывающихъ о неудачѣ въ любви двухъ клоуновъ, пошедшихъ, съ горя, изъ веселаго цирка въ факельщики, г-жа Перегонецъ, въ красивомъ костюмѣ Коломбины, съ тонкой нюансировкой, музыкально говорила подъ игривый аккомпаниментъ оркестра.

Стильно и изящно танцуетъ сарацинскій танецъ г. Яковлевъ. Оркестрикъ съ большою выразительностью сыгралъ въ одномъ изъ антрактовъ цыганскій танецъ Сень-Санса изъ его оперы „Генрихъ VIII“.

Н. Тамаринъ.

ОБОЗРЕНІЕ

ЭКРАНЪ.

Кино-актеры.

Въ павильонахъ, гдѣ ставятся пьесы для кинематографа, съ самаго начала принято такъ, что на съемку приглашаются „свободные актеры“. Но такъ какъ свободные актеры это, въ большинствѣ случаевъ, худшіе актеры, ибо лучшіе естественно очень заняты въ театрахъ, то выводъ получился немудреный: кинематографическая игра стала притчей во языцехъ.

Тѣмъ не менѣе русскій экранъ имѣетъ уже своихъ знаменитыхъ актеровъ, свои всеизвѣстныя „имена“. Обла-

датели ихъ никогда не гремѣли въ театрахъ и загремѣли только съ тѣхъ поръ, какъ связались съ кинематографомъ. Что говорить театральному уху: Холодная? Или: Полонскій? Или: Мозжухинъ? Ничего восторженнаго, либо совсѣмъ ничего. Трудно думать, что театр не сумѣлъ ихъ оцѣнить. Правильнѣе думать, что театр, оцѣнивъ, сдѣлалъ ихъ болѣе или менѣе свободными—для экрана. А экранъ нашелъ въ нихъ нужное для себя: подхватилъ, переоцѣнилъ на свой ладъ и прославилъ.

Но это случится, конечно, только съ очень немногими изъ „свободныхъ актеровъ“. Средніе театральные люди—Мозжухинъ, Максимовъ, Полонскій и еще кое-кто—оказались какъ разъ по способностямъ своимъ весьма подходящимъ артистическимъ матеріаломъ для экрана. Большинство же среднихъ и ниже-среднихъ театральныхъ актеровъ не обладаютъ абсолютно никакими достоинствами и для экрана, но призываются къ нему только потому, что они въ это время „свободны“. Взамѣнъ того, чтобы отдавать свою художественную безпомощность театру, они отдаютъ ее кинематографу. Неудачливость на подмосткахъ дополняютъ неудачливостью на экранѣ, ничуть не поднимая себя и безпощадно роняя экранъ.

Ошибка въ этомъ дѣлѣ идетъ отъ гнилого корня. Гнилой была первоначальная мысль—приглашать на съемки сценическихъ актеровъ. Экранъ, какъ искусство, дальше отъ театра, чѣмъ напримѣръ живопись отъ скульптуры, или стихотворчество отъ драматургіи. И если намъ не кажется обязательнымъ, что Рѣпинъ долженъ былъ бы хорошо лѣпить, а Фетъ хорошо писать драмы, то почему явилась произвольно-наивная мысль, будто драматическій актеръ долженъ хорошо играть для кинематографа?

Разница, или вѣрнѣе основная рознь между экраномъ и театромъ—безконечно большая и уже достаточно использованная тема. Для людей, близко и глубоко знакомыхъ съ экраномъ, это уже даже и не тема, а незамѣтная, будничная аксіома. Профаны же еще роняютъ иногда: вы же видѣли, что Шаляпинъ „не вышелъ“ на экранѣ и Варламовъ не вышелъ, и другіе театральные боги... А вотъ Рындина или Руничъ выходили!

Для подлинныхъ же кинематографическихъ людей давно уже не требуется никакихъ доказательствъ. И все-таки... экранъ черпаетъ своихъ исполнителей исключительно изъ театра. Отчего? Отъ лѣни. Отъ тупости. Отъ косности. Отъ жира. Отъ глупаго „авось“ и подлаго „наплевать“—издревлихъ принциповъ всероссійскихъ!

Иначе—надомного думать, иначе—надовездѣ неустанно искать, иначе—надо, надо, обучать и создавать. А такъ что можетъ быть легче: „пусть помощникъ режиссера позвонитъ Пупырышкину, чтобы пріехалъ на съемку! Онъ какъ разъ теперь въ театрѣ свободенъ...“

И потому нѣтъ специальныхъ школъ, нѣтъ экранныхъ студій, нѣтъ поисковъ „молодыхъ“, нѣтъ ужаса передъ пустотой и бездарью... Есть только сѣрая кинематографическая паутина, исполненно сплетенная „свободными актерами“ театра, а въ лучшемъ случаѣ—ура! ура! ура!—пѣса съ участіемъ Максимова или Холодной, безрадостно-приличныхъ и на безрыбьи славныхъ. Albus.

Маленькая хроника.

*** Какъ солдаты относятся къ спектаклямъ и концертамъ на фронтѣ? Объ этомъ собранъ большой анкетный матеріалъ передвижной труппой П. П. Гайдебурова, на дняхъ вернушагося съ фронта. Въ спектакляхъ принимали участіе О. О. Преображенская и пѣвецъ г. Александровичъ. Есть голоса привѣтствующие, есть и протестующіе.

„Это насъ мало веселитъ. Время разлѣзжаться по убогимъ и разореннымъ деревнямъ, гдѣ голодъ и холодъ наступаютъ, плачъ женъ и дѣтей.“

„Не знаю, какъ мое семейство поетъ и танцуетъ въ Германіи.“

„Просимъ принять лучше мѣры къ концу войны“ и т. д. А вотъ благожелательные отвѣты:

„Мы получили научное развлеченіе.“

„Желательно выслушать весь вашъ искусственный репертуаръ.“

„Приобрѣсти болѣе обстановки и продолжать.“

„Легкомысленно на душѣ почти всякому.“

„И артистка ваша мнѣ понравилась, такъ что я очарованъ ею и хотѣлъ бы видѣть въ другой разъ продолжайте свою карьеру. Фамиліи сообщить не могу.“

„Мнѣ ни разу не привидилось видѣть настоящей игры на сценѣ, поэтому я къ театрамъ не очень имѣлъ симпатіи, но теперь я совершенно другого мнѣнія.“

„Побольше ухарскаго и безшабашнаго.“

„Желательно, что-нибудь пѣть изъ жизненныхъ фактовъ.“

„Желательно, чтобы слѣдующій разъ танцовщица танцевала съ клоуномъ.“

„Уважаемый г. читатель, весьма благодарю за ваше чтеніе.“

„Какъ пѣвицу, музыканту, танцоркѣ, чтецу кромѣ благодарности и пожеланія всего хорошаго больше ничего.“

*** Въ газетахъ находимъ такое повѣствованіе о Мамонтѣ Дальскомъ:

„Военно-революціоннымъ комитетомъ отдано распоряженіе объ арестѣ актера М. В. Дальскаго. Распоряженіе это вызвано тѣмъ, что Дальскій изболѣченъ въ рядѣ чисто грабительскихъ походовъ. Съ группой какихъ-то лицъ онъ совершилъ налетъ на квартиру богача Александрова, котораго желалъ арестовать, но не засталъ дома. Далѣе М. В. Дальскій съ толпой красновардейцевъ совершилъ набѣгъ на клубъ, помѣщающійся на улицѣ Глинки въ домѣ б. великаго князя Кирилла Владиміровича. Клубъ этотъ охранялся большимъ отрядомъ матросовъ 2-го флотскаго экипажа. Когда М. В. Дальскій поздно ночью явился съ красновардейцами въ клубъ, двери клуба оказались запертыми. На звонокъ ихъ сразу не отперли, давъ матросамъ приготовиться, и лишь затѣмъ впустили Дальскаго и его команду. Грабители были встрѣчены 20-ю матросами, направившими на нихъ винтовки. Матросы заставили всѣхъ поднять руки, спросили у нихъ, кто изъ нихъ старшій, и хотѣли арестовать Дальскаго. Послѣдній заявилъ, что онъ членъ военно-революціоннаго комитета. Тогда матросы отпустили его, предварительно установивъ его личность, и сообщили о происшедшемъ въ военно-революц. комитетъ.“

Разсказываютъ, что въ квартиру Дальскаго со всѣхъ сторонъ приносили цѣнные вещи, похищенные во время разгромовъ дворцовъ и особняковъ. Такъ, лица бывавшія у Дальскаго, виѣли нѣкоторыя цѣнности изъ Зимняго дворца, происхожденіе которыхъ хозяинъ не скрывалъ и даже съ гордостью говорилъ своимъ бархатнымъ баритономъ:

— Наполеонъ захватилъ полъ міра, почему же Мамонтъ Дальскій не можетъ захватить особняка, или какую-нибудь драгоценность?

Конечно, личнаго участія въ грабежахъ и разгромахъ самъ Дальскій не принималъ.

Явившіеся въ домъ Княжевича для ареста Дальскаго красновардейцы выяснили, что Дальскій, очевидно, кѣмъ-то предупрежденный, неизвѣстно куда скрылся, унеся съ собою много находившихся въ квартирѣ награбленныхъ цѣнностей.“

Отвѣтственность за всю эту не совсѣмъ обыкновенную, даже для нашихъ дней, исторію оставляемъ на „совѣсти“ газетъ... Во всякомъ случаѣ: „много естъ вещей, другъ Гораціо“ и т. д.

*** Въ Екатеринославской газетѣ „Приднѣпр. Кр.“ находимъ такое объявленіе:

„Солистъ государственныхъ театровъ популярнѣйшій теноръ Н. Н. Фигнеръ принялъ предложеніе Дирекціи Муз. Ова вступить въ пр.-подаватели Муз. училища по классамъ сольнаго пѣнія, прохожденія партій и оперныхъ сценъ.“

„Солистъ Его Величества“ превратился въ „Солита государств. театровъ“. Пусть такого званія не существуетъ, однако, отказъ г. Фигнеру въ изобрѣтательности и находчивости нельзя.

*** Воллѣ „Старога театрала“ — рецензента „Приам. Жизни“ (Хаба овскъ). Свою рецензію объ открытіи сезона „Интимнаго театра“ (антреприза Г. С. Карскаго—„Вѣра Мирцева“) онъ сопровождаетъ слѣд. Р. S.

Р. S. Не могу молчать. Революція вынесла зачѣмъ-то въ изобиліи въ толпу сѣмьяки. Ихъ грызутъ въ оствѣтвленіи на улицѣ и даже въ театрѣ во время хода пѣсы. Какая это обида для актера и тѣхъ слушателей, которые смотрятъ на театръ, какъ на храмъ искусства. Ко всѣмъ, кому грызтъ сѣмьяки еще не надоѣло, обращаемся съ просьбой по крайней мѣрѣ въ театрѣ этого не дѣлать. А ужъ, если это такъ необходимо, просимъ выходить на улицу. Тамъ не такъ это замѣтно.

*** Самый лестный по нынѣшнему времени комплиментъ. Въ одесской газетѣ „Южн. Мысль“ читаемъ:

„Вчера возобновили „Сельскую честь“ Масканьи. Этотъ, по образному выраженію одного критика, „спиртъ въ девяносто градусовъ“.“

Какъ же г. критикъ понимаетъ это „образное выраженіе“?

„Дѣйствительно, — поясняетъ онъ, — въ оперѣ часто слышится полное противорѣчіе музыки съ текстомъ.“

Отъ „спирта въ девяносто градусовъ“ можно дойти и не до этакихъ „противорѣчій“...

*** Изъ рецензіи „Вятск. Рѣчи“: „Г-жа Журавская въ роли Шардэнъ. Артистка отличается несомнѣнными внѣшними данными, рѣдкой грандіозностью, хорошими костюмами“.

„Рѣдка грандіозность“ — комплиментъ на любителя!..

Піонеръ русскаго театра.

(Къ 200 лѣтію рожденія А. П. Сумарокова).

Имя Сумарокова, несомнѣнно, первѣйшее въ исторіи русскаго театра. Разумѣется, не геніемъ великъ Сумароковъ, но онъ былъ первымъ, кто, въ сущности, положилъ, хотя и черезъ напыщенную „сумароковщину“, начало русскому театру, и можно понять преувеличенное поклоненіе, которое было ни чѣмъ инымъ, какъ живѣйшимъ чувствомъ благодарности Сумарокову со стороны близкихъ къ послѣднему дѣятелей русской культуры. „Уже вѣмѣямъ не дымитъ предъ кумиромъ—пишетъ Карамзинъ,—но не тронемъ мраморнаго его подножія, оставимъ въ цѣлости и подпись: Великій Сумароковъ! Соорудимъ новые памятники, если надобно, но не будемъ разрушать тѣхъ, которые воздвигнуты благородною ревностью отцовъ нашихъ“.

Какъ извѣстно, трагедія Сумарокова „Хоревъ“ была первымъ драматическимъ произведеніемъ, написаннымъ по всѣмъ правиламъ „Театра“ на русскомъ языкѣ и сыграннымъ русскими актерами-любителями, воспитанниками „Шляхетнаго корпуса“. Русская трагедія, сочиненная русскимъ авторомъ—было отъ чего придти въ волненіе! На другой день, послѣ представленія „Хорева“, по словамъ историка, „въ Петербургѣ ни о чемъ не говорили“, какъ объ этомъ событіи... Всѣ читали нарасхватъ трагедію, дивились ей какъ феномену, твердили наизусть монологи. Въ томъ же году въ „Шляхетномъ корпусѣ“ и во дворцѣ были сыграны кадетами и другія произведенія Сумарокова—„Га-

млетъ“, „Синавъ и Труворъ“, „Аристотъ“ и комедіи „Пустая ссора“, „Чудовище“.

Сумароковъ не сразу обратился къ драматургіи. По собственному его признанію,

Къ Мельпоменѣ я въ послѣдокъ обратился,
И, взявъ у ней кинжалъ, къ театру я пустился...

Въ общемъ, Сумароковъ написалъ [9 трагедій, 12 комедій, 1 драму, прологъ и балетъ. Вершиной его славы слѣдуетъ считать постановку трагедіи „Дмитрій Самозванецъ“. Это было уже не задолго до его кончины.

Въ Сумароковѣ, какъ, поэтѣ и драматургѣ, нѣтъ, разумѣется, ничего оригинальнаго. Это былъ даровитый по своему копистъ, передѣльватель и переводчикъ. Сумароковъ не только рабски воспринялъ основы ложно-классическаго репертуара, но считалъ подраженіе западнымъ образцамъ самонужнѣйшимъ, вообще, дѣломъ русскаго общества.

Языки чужды намъ потребны для того,
Чтобъ мы читали въ нихъ, на русскомъ нѣтъ чего
Извѣстно, что еще книгъ русскихъ очень мало...

Основные черты этой трагедіи—„страсти великихъ душъ“, возвышенныя чувства и идеи, идеи долга, любви къ отечеству, къ родинѣ—такова идейная атмосфера, охватывавшая зрителя. Расинъ прибавилъ еще чувство любви, въ различныхъ формахъ и столкновеніяхъ, что особенно продуцировалъ Сумароковъ. Позднѣе подъ вліяніемъ Вольтера, въ трагедію нашли доступъ широкія идеи французской философіи XVIII вѣка, и въ частности объ обязанностяхъ по отношенію къ народу, о свободѣ, достоинствѣ человѣка и т. п. Все это находимъ и въ трагедіяхъ Сумарокова, хотя преимущественное вниманіе обращалось на „Расиновъ мотивъ“ любви.

Несмотря на то, что дѣйствіе происходитъ то въ Новгородѣ, то въ Кіевѣ, то во времена Кира, то во время татарскаго ига,—здѣсь нѣтъ, разумѣется, ни тѣни исторіи.

Испорченный Расинъ одинаково чувствуетъ и въ томъ, что сердце Оснельды разрывается между долгомъ и любовью къ Хореву, и въ томъ, что Гамлетъ долженъ мстить за смерть отца, а между тѣмъ любить дочь отцеубійцы, Полонію, Офелію, О, Гамлетъ, совершай, что долгъ тебѣ велитъ, Верни покой, потерянный во гробѣ,—

Такъ говоритъ Гамлетъ. Но Офелія противопоставляетъ:

Отмщай! Но прежде ты любовь мою забудь,
И проколи сперва Офеліину грудь!
И вотъ результатъ. Гамлетъ говоритъ:
Возстань, Офелія! Ты власть свою нашла,
Отри свои глаза! Напастъ твоя прошла!

Не таковъ Дмитрій Самозванецъ—сверхъизвергъ и злодѣй.

Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!

И ударяетъ себя въ грудь кинжаломъ.

Для наивныхъ временъ половины XVIII вѣка это было и грозно, и величественно.

Въ комедіяхъ своихъ Сумароковъ не былъ силенъ. Какихъ либо „народныхъ“, „русскихъ“ чертъ въ нихъ нѣтъ или же все ограничивается мелкими случайными чертами. Передѣлки, „склоненія на наши нравы“ крайне незначительны, и комизмъ ихъ внѣшній, нерѣдко переходящій въ личности и основывающійся на „подлинникахъ“.

„Сумароковщина“, однако, недолго удержалась въ нашемъ театрѣ. Самому Сумарокову пришлось

А. П. Сумароковъ. (Съ портрета работы Лосенко).
(Къ 200-лѣтію со дня рожденія).

КЪ ЮБИЛЕЮ И. Е. РѢПИНА.

„Въ театрѣ“. (Съ картины И. Е. РѢпина).

быть свидѣтелемъ успѣха такъ называемой „слезной комедіи“, отвергавшей величавый стиль Расина.

Въ 1771 г. Сумароковъ пишетъ:

„Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій,— ввелся тамъ, во Франціи; но тамъ не исторгнутся сѣмена Расинова и Мольерова вкуса! А у насъ по театру еще и почти начала нѣтъ,—такъ такой скаредный вкусъ, а особливо въку Великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру, но онъ въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургъ—нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе,—какъ скаредно ни переведена „Евгенія“, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи бакханку ни изображала. А сіе рукоплесканье переводчикъ оныя драмы, какой то подъячий, до небесъ возноситъ; соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ... Подъячий сталъ судьей Парнаса и утвердителемъ вкуса московской публики! Конечно, скоро представленіе свѣта будетъ“...

„Представленіе свѣта“, однако, не было—но зданіе Расина на русской почвѣ, дѣйствительно, стало трещать.

„Монументъ“ Сумарокову созданъ, конечно, не его пѣитическимъ даромъ, но страстною любовью его къ театру, котораго учредителемъ онъ былъ наравнѣ съ Волковымъ. Извѣстно, что „бригадиръ Сумароковъ“ былъ первымъ директоромъ, если можно такъ выразиться, казенныхъ театровъ, учрежденныхъ императрицей Елизаветой Петровной. Заслуги Сумарокова въ этой области утвержденія театра въ Россіи—необычайны и должны быть всемирно признаны исторіей.

Условія, при которыхъ доводилось работать Сумарокову, были чрезвычайно тяжелы. Русскій театръ былъ пасынкомъ, въ сущности, такъ какъ все вниманіе удѣлялось иностраннымъ театрамъ. Средства отпускались сравнительно незначительныя, и даже мѣстопробыванія русскій театръ точнаго не имѣлъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить полнѣйшій режимъ усмотрѣнія и безцеремонность русскихъ баръ-администраторовъ по отношенію къ русскому театру и его „управителю“ Сумарокову.

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ, свидѣтельствующій о томъ, каково было положеніе русскаго театра, и какъ недалеко, въ сущности, ушелъ Сумароковъ

отъ Вас. Тредіаковскаго, котораго „изволилъ бить“ фаворитъ Шуваловъ.

Дѣло началось съ того, что Сумарокова стали упрашивать якобы для удовольствія московской публики разыграть еще не игранную трагедію его „Синавъ и Труворъ“. Сумароковъ, польщенный, согласился. И тутъ, какъ говорили, началась интрига: актеры нарочно не учили ролей, не являлись на репетицію, особенно актриса Иванова, напивавшаяся пьяной. Въ назначенный день вмѣсто „Синова и Трувора“ поставили другую пьесу, а московскій главнокомандующій, гр. Салтыковъ, напивавшійся, какъ утверждали злые языки, вмѣстѣ съ Ивановой, раскричался на Сумарокова и приказалъ въ три дня поставить „Синова и Трувора“, замѣтивъ, что „я самъ буду учить актеровъ“. Сумароковъ молилъ, просилъ, писалъ письма императрицѣ, но спектакль состоялся. Это было позорище, заранѣе приготовленное, прошедшее подъ свистъ и хохотъ. Сумароковъ облегчилъ свою душу элегіей, въ которой горестно вопрошаетъ: „сіе ли за мои, Россія, мнѣ услуги?“

Отъ странъ чужихъ во мзду имѣю все сіе:
Слезамъ я кроплю, Вольтеръ, письмо твое...

Письмомъ Вольтера Сумароковъ крайне гордился и тѣшился.

Надо сознаться, что нравъ Сумарокова не очень располагалъ къ нему окружающимъ.

Въ щегольскомъ бархатномъ кафтанѣ, въ дорогихъ кружевныхъ манжетахъ, покрытыхъ густымъ слоємъ табака, который онъ безпрестанно нюхалъ, пригоршнями выхватывая его изъ кармановъ, Сумароковъ поражалъ прежде всего своею живостью и стремительностью. Острый на языкъ, онъ занимательный собесѣдникъ, но въ то же время непріятный, ибо „мнящій“, „надмѣнъ“. На произведенія Сумарокова встрѣчаются такія помѣтки: „въ пять утра писалъ, а въ десятомъ часу кончилъ“. Для своего времени, онъ былъ чрезвычайно широко образованъ, и естественно негодовалъ на улицы Москвы, „невѣжествомъ вымощенныя аршина на три“.

Въ „Триссотеніусѣ“ Сумароковъ вывелъ, какъ извѣстно, Тредіаковскаго. Но досталось, въ свою

очередь, и Сумарокову. Такъ, въ одной изъ комедій того времени Сумароковъ выведенъ подъ именемъ „Надмѣнъ“.

Надмѣнъ такихъ высокихъ думъ
О знаніи своемъ, о дарѣ, о искусствѣ,
Что мыслить будто бы нѣтъ въ разумѣ, ни въ чувствѣ,
Достойной похвалы достоинствомъ ево! —
Что всѣ писатели не значать ничево,
Или, по крайности, немногіе на свѣтѣ
Достойны быть при немъ у разума въ примѣтѣ, —
И то не русскіе! А русскіе творцы;
По мнѣнію ево, не соловьи—скворцы...

Повышенное самолюбіе Сумарокова, дѣйствительно, давало поводъ къ упрекамъ въ надменности. Такъ, онъ находилъ, что государство должно его послать за границу для „описанія Европъ“. „Ежели бы такимъ перомъ, каково мое—говорилъ онъ,—описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила“. Но „Фелицы“, вначалѣ ласкавшія Сумарокова, постепенно хладѣли къ безпокойному театру. „Придирки и ябеды сводятъ меня“,—писалъ онъ. Въ 1777 г. онъ скончался. Московскіе актеры похоронили его на свой счетъ и донесли его до Донскаго монастыря. Кромѣ актеровъ, было только двое постороннихъ. Могила Сумарокова совершенно неизвѣстна, и къ ней вполнѣ заросла на родная тропа. Печально восклицалъ современникъ:

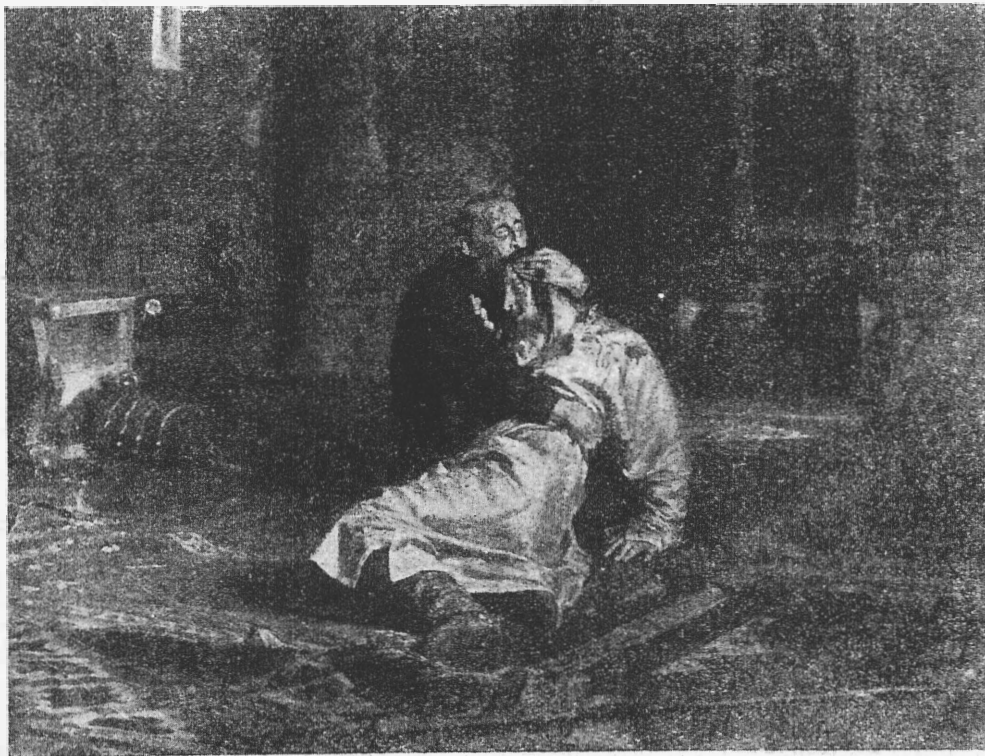
Вотъ воздаяніе достойно за труды,
Вотъ вѣка цѣлаго прилежности плоды!

„Фелицы“ отсутствовали своими милостями, а съ Фелицами повернулся и весь свѣтъ... Жизнь Сумарокова—типичная жизнь русскаго культурнаго человѣка временъ нашего абсолютизма... И съ этой точки зрѣнія, жизнь Сумарокова, энтузіаста и пламеннаго борца театра, быть можетъ, гораздо назидательнѣе, чѣмъ его творенія.

Н. Негоревъ.

~~СЕРГЕЙ~~

КЪ ЮБИЛЕЮ И. Е. РѢПИНА.

„Смерть Царевича Іоанна“. (Карт. И. Е. Рѣпина въ Третьяковской галлерей).

Какофонія художественности и бутафорщины.

(Къ постановкѣ „Саломей“).

Несомнѣнная заслуга Троицкаго театра въ томъ, что онъ выдвинулъ талантливаго художника Школьника, мало сказать, талантливаго, ибо онъ создалъ и создаетъ свой собственный декораціонный стиль. Ему пришлось сообразоваться съ миниатюрностью сцены театра и давать какъ бы сжатый узоръ декорацій, почти всегда очень красивый и гармоничный по краскамъ и въ сжатыхъ упрощенныхъ формахъ рисунка своеобразно и художественно намекающей на панорамность, стиль, даже реализмъ постановокъ. Сцена театра такъ мала и не глубока, что въ случаяхъ реалистическихъ постановокъ должна давать самыя небольшіе уголки обстановки, чтобы выдержать ея вѣрныя пропорціи къ фигурамъ артистовъ. Фигуры эти почти всегда „не въ масштабѣ“ со сценой, всегда слишкомъ громоздки, и тяжелы, всегда выпираютъ изъ миниатюрныхъ кулисъ. Школьникъ какъ-бы прекрасно все это учелъ, отказался отъ реализма и, слѣдуя за своимъ пейзажно-декоративнымъ дарованіемъ, пришелъ къ отличному иногда узорамъ и къ своеобразной всегда красивой, гармоничной, несмотря на яркость, нарядности сцены. По временамъ, какъ въ нѣкоторыхъ балетныхъ постановкахъ театра, ему удавалось согласовать фигуры съ декораціями. Но въ общемъ здѣсь художникъ странно раздвояется, что особенно наглядно въ постановкѣ „Саломей“. Можетъ быть въ силу „пейзажности“ (въ широкомъ конечно смыслѣ) своего дарованія онъ или бесцѣленно создавать наравнѣ съ художественными декораціями художественныя сценическія фигуры или не пришелъ пока еще къ необходимому и здѣсь синтезу. Правда задача художника здѣсь слишкомъ трудна. Полному хозяину на декораціонныхъ холстахъ приходится считаться прежде всего съ неподходящей конкретностью живыхъ фигуръ, съ актерско-сценическимъ ихъ толкованіемъ. Рѣдкіе артисты въ такъ называемыхъ постановочныхъ пьесахъ не являются ряжеными; умѣютъ ограничивать себя въ неумѣренности употребленія бутафорскихъ деталей. Слишкомъ не легка задача художника перевоплощать конкретныя фигуры, не обладающія личнымъ художественнымъ тактомъ и вкусомъ; внѣ живописной компетенціи аффектированная изломанность театральнаго позы, какъ во всѣхъ персонажахъ Саломей. Но дѣлаются-ли необходимыя хотя-бы попытки приложить стиль къ фигурамъ, къ костюмамъ?

Насколько въ декораціонной постановкѣ „Саломей“ соединеніе чудесныхъ мѣстами красочныхъ декораціонныхъ гармоній съ фанатическими намеками рисуночныхъ узоръ задняго плана заставляеть чувствовать тонкаго интереснаго художника, настолько въ живописи всѣхъ фигуръ онъ является самымъ обыкновеннымъ „увражнымъ“ рисовальщикомъ, безпомощно путающимся въ историчности обильныхъ деталей. Впрочемъ не все благополучно и въ декораціяхъ, носящихъ мѣстами въ узорѣ переднихъ плановъ и занавѣсахъ „обойный“ характеръ. Тронъ со всѣми его деталями своей бутафорщиной контрастируетъ съ задними планами. Непозволительны нѣкоторые набившіе оскомину эффекты освѣщенія, мѣстами убивающіе живость декораціи, нѣкоторыя крикливыя смѣны тѣмы и свѣта, сопровождаемыя при томъ комическими звуками тарелочнаго дзынканья и барабаннаго грома. Діалоги пьесы Уайльда какъ-бы переполнены полнымъ блескомъ гиперболическихъ сравненій, цвѣтистыхъ уподобленій, говорящихъ о сказочности и фантастичности древняго Востока. Нѣтъ надобности въ особомъ подчеркиваніи „экзотизма“, тѣмъ болѣе въ грубыхъ эффектахъ. Большою впросъ вообще, какъ надо ставить „Саломею“

КЪ ЮБИЛЕЮ И. Е. РЪПИНА.

Л. Н. Толстой. (Набросокъ И. Е. Рѣпина).

съ ея рафинированнымъ и сжатымъ драматизмомъ, съ прежде всего литературнымъ блескомъ ея діалоговъ. Во всякомъ случаѣ въ декораціяхъ Троицкаго театра, особенно въ ихъ краскахъ и заднихъ щитахъ, не говоря о непосредственной красотѣ, выражена та фантастическая пряность, гдѣ декадентство удачно воспользовалось экзотизмомъ.

Мучился-ли художникъ съ труднѣйшей въ пьесѣ и крайне отвѣтственной живописью фигуръ или, сдѣлавъ по увражамъ рисунки, предоставилъ все дѣло портнымъ и самимъ артистамъ? Думается послѣднее. Бутафорская точность деталей тяжела, безвкусна, аляповата даже на большихъ оперныхъ сценахъ и менѣе всего нужна для исторической типичности. Что-же получается на сценѣ крошечнаго театра на фонѣ менѣе всего „точныхъ“ декорацій? Крупная живописно-художественная какофонія слилась здѣсь мѣстами со злой пародіей на Уайльдовскія фигуры. Нельзя требовать невозможнаго перевоплощенія современныхъ бытовыхъ фигуръ въ историческія, тѣмъ болѣе созданныхъ воображеніемъ поэта. Но необходимы хотя-бы попытки къ такому перевоплощенію, необходимы во всякомъ случаѣ скромность и умѣренность деталей; ихъ простая живописная гармоничность. Замѣчательно, какъ утонченный въ декораціонныхъ краскахъ глазъ Школьника оказался безпомощенъ въ выборѣ и сочетаніяхъ даже цвѣтовъ почти всѣхъ костюмовъ, гдѣ мѣстами такъ грубо контрастируютъ цвѣтоты пятна и кричатъ рядомъ другъ съ другомъ. А самый обликъ фигуръ и въ общемъ и во всѣхъ ихъ деталяхъ? Посмотрите, на что похожъ Іоканаанъ съ его крайне некрасивой аляповатой драпировкой, какъ бы приколотой булавкой къ волосамъ головы. Кстати, Саломея восхищается бѣлымъ тѣломъ пророка, а оно на сценѣ коричневое, гиперболической чернотой волосъ, а между тѣмъ бритая „американская“ физиономія обрамлена рыже-каштановой растительностью. Въмѣсто обдуманности каждой складки, каждой детали грима грубая дѣланность фигуръ изъ паноптикума. Фантастическій сказочный Иродъ превращенъ въ облысѣвшаго чиновника въ желтомъ халатѣ съ черными разводами, а его супруга, костюмъ которой такъ безвкусенъ по сочетанію цвѣтовъ малиново-краснаго и оранжево-рыжаго, въ цирковую жонглершу. Головной уборъ—царицы-образецъ ненужной и тяжелой бутафорщины, гдѣ поддѣльность деталей замѣняютъ намеки на нихъ, только и нужные. По оперному шаблону сама Саломея въ роскошномъ костюмѣ съ разрѣзомъ изъ „Прекрасной Елены“, молодой сиріецъ съ пестро кричащими красками костюма, его другъ, античный пажъ изъ „Гугенотовъ“ или любой оперы. Если таковы „господа“, то о прислугѣ нечего и разговаривать. Крайне комическое впечатлѣніе производятъ два рыжихъ воина, одинъ изъ которыхъ, такъ уморительно раскорячившись, ползетъ отрубать голову Іоканаану. Поражаетъ безвкусіе ихъ раздутыхъ шевелюръ въ зеленыхъ шапкахъ съ украшеніями, вырѣзанными какъ-бы изъ оранжевой „фонарной“ бумаги.

Почтенная задача поставить „Саломею“. Много труда, вниманія, вѣроятно средствъ потрачено на постановку, надъ которой работалъ испытанный очень талантливый художникъ, и въ результатъ почти пародія на утонченное литературно драматическое произведеніе. Новое свидѣтельство и доказательство трудности чисто постановочной стороны. Но въ данномъ случаѣ хочется быть рѣзкимъ именно

потому, что причина неудачи менѣе всего въ талантливости. Школьникъ заявилъ себя однимъ изъ самыхъ интересныхъ, даровитыхъ и оригинальныхъ декораторовъ. Что мѣшаетъ ему приложить выработанный имъ стиль декорацій и къ другимъ живописнымъ задачамъ сцены, не знаю. Но постановка „Саломеи“ въ Троицкомъ театрѣ особенно ярко подчеркнула какофонію отъ соединенія подлинной художественности и шаблонной бутафорщины. Давно пора выбросить послѣднюю за бортъ, ибо, стоя дорого антрепренерамъ, она повидимому парализуетъ утонченные поиски художниковъ, держа ихъ въ тискахъ вѣвшагося шаблона.

А. Ростиславовъ.

ОСНОВНОЕ

Изъ моей записной книжки.

О „Вампукъ“.

I.

Я хочу рассказать о „Вампукъ“—что знаю о ея происхожденіи,

Начало, самый эмбрионъ ея, зашевелился у М. Н. Волконскаго давнымъ давно. Это было еще въ 1890 году зимой. Онъ тогда заходилъ ко мнѣ по вечерамъ часто, почти ежедневно. Онъ жилъ у Спасса Преображенія, а я на Фонтанкѣ, противъ цирка. Говорили мы бесконечно, и особенно о театрѣ, къ которому оба чувствовали „родъ недуга“.

Какъ-то зашелъ разговоръ о тѣхъ нелѣпыхъ условностяхъ, которыми нашпигованы наши оперы. Я рассказалъ ему, какъ съ однимъ студентомъ медикомъ, я, тоже студентъ, хохоталъ разъ въ „Фенеллѣ“, когда пѣвецъ оралъ на толпу во всю глотку:

„Ти-ише,—сестра спи-ить“!

Своимъ смѣхомъ, отъ котораго не могли воздержаться, мы возбудили негодованіе сосѣдей, а какой-то плѣшивый меломанъ, съ Анной на шеѣ, сидѣвшій какъ разъ впереди насъ, грозно метнувъ на насъ взоромъ, прошипѣлъ:

— Здѣсь не кабаки!

А. С. Пушкинъ на набережной Невы 1835 г.
(Съ картины И. Е. Рѣпина).

къ юбилею И. Е. Рѣпина.

В. Стасовъ. (Съ портрета работы И. Е. Рѣпина).

Волконскій замѣтилъ:

— А хорошо бы соединить всѣ оперныя нелѣпости воедино,—и написать шуточное либретто. Въдь этого, кажется, никто не продѣлывалъ?

Мысль эта запала въ душу князя. Онъ сталъ, не торопясь, собирать матеріалъ для такой оперы. Одновременно съ этимъ онъ нанизывалъ разныя случайности и нелѣпости случавшіяся въ драматическомъ театрѣ. Потомъ, много лѣтъ спустя, появилась его шуточная мозаика о драмѣ, кажется, въ приложеніи къ „Нивѣ“.

II.

Иногда онъ возвращался къ мысли объ оперномъ либретто, и говорилъ:

— Надо найти названіе поудачнѣе.

„Вампука“—самое имя героини—образовалось совершенно случайно.

Онъ рассказывалъ одной барышнѣ,—бывшей институткѣ, старый анекдотъ, какъ принцу Ольденбургскому дѣвицы въ Смольномъ подносили цвѣты и пѣли на мотивъ изъ „Роберта“:

„Вамъ пукъ, вамъ пукъ, вамъ пукъ цвѣтовъ подносимъ“. А барышня наивно спросила:

— Развѣ принца звали Вампукъ?

Волконскій подтвердилъ, что его звали Вампукъ Георгіевичъ, и также воскликнулъ:

— Вотъ имя моей героинѣ найдено: Вампука! Чудесное имя.

Эта находка подтолкнула его къ болѣе плодотворной работѣ надъ либретто. Ужъ не знаю, насколько тутъ было посторонняго вліянія,—но помню, что онъ говорилъ о „Вампукѣ“ со многими, въ томъ числѣ и съ Дмитріемъ Васильевичемъ Григоровичемъ, который нерѣдко заѣзжалъ ко

мнѣ по воскресеньямъ. Григоровичъ много рассказывалъ ему о старыхъ операхъ. Между прочимъ, Григоровичъ указывалъ на старинный хоръ воспитанницъ, приносившихъ въ костюмахъ богинь своему воспитателю въ именины на блюдѣ кошелѣкъ, и пѣвшихъ:

Твое къ тебѣ обратно притекаетъ,
Прійми, въ душѣ пылая, пылъ сердець:
Отъ Пинда даръ къ тебѣ здѣсь привлекаетъ,
Сонмъ дѣвъ,—прійми ихъ трудъ ты, какъ отецъ.
Хоть богинями одѣты,
Любимъ мы тебя какъ дѣти,
Намъ подобныхъ сыщишь гдѣ ты?..

III.

Весьма возможно, что и Владимиръ Тихоновъ, и еще немало лицъ тоже помогали Волконскому въ созданіи „Вампуки“. Но что „Вампуку“ играли у меня, на квартирѣ,—объ этомъ я слышалъ не однажды и каждый разъ говорилъ, что ничего подобнаго не было. Въ канунъ Крещенья, нѣсколько лѣтъ подъярьдъ у меня дѣйствительно составлялись шуточные представленія,—иногда совсѣмъ экстремптомъ. Разъ, весною въ Москвѣ пріѣхалъ меня провожать на вокзалъ А. П. Чеховъ, и сунулъ мнѣ на дорогу брошюру.

— Вотъ почитайте: это доставитъ вамъ нѣсколько забавныхъ минутъ. А, можетъ, и вздумаете это сыграть въ Крещенскій вечеръ.

Чеховъ былъ у меня какъ разъ въ 93 году подъ Крещенье, и въ шестомъ часу утра съ Вас. Ив. Немировичемъ-Данченкомъ, и В. Тихоновымъ поѣхалъ по церквамъ, о чемъ Тихоновъ, послѣ смерти Чехова, рассказывалъ печатно. Брошюра, сунутая имъ мнѣ, оказалась „Жестокимъ барономъ“, имѣвшимъ въ послѣдствіи огромный успѣхъ въ Москвѣ, въ „Летучей мыши“.—„Жестокаго барона“ на слѣдующій годъ подъ Крещенье играли у меня, при чемъ самого барона изображалъ В. Тихоновъ. Онъ почему-то приписывалъ текстъ „Барона“ Антону Павловичу. Но потомъ нашелся подлинный авторъ: онъ оказался, чуть-ли не профессоромъ московскаго университета.

„Жестокій баронъ“—пародія на мелодраму французскаго пошиба, и представляетъ широкое поле для свободнаго творчества исполнителей. Я видѣлъ его въ „Летучей мыши“ и скажу, что то,

Л. Н. Андреевъ. (Съ портрета работы И. Е. Рѣпина).

ТРОИЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Иродъ (г. Холмскій).
„Саломея“. (Авторисунокъ г. Холмскаго).

что играли у меня, и то что исполнялось въ Москвѣ, рѣзко отличалось въ пріемахъ, — но смѣшно было то и другое, хотя къ тексту подходили съ разныхъ концовъ.

„Жестокій баронъ“ очень нравился Волконскому, и, конечно, то-же вліялъ на композицію „Вампуки“ въ значительной степени. Словомъ, М. Н., по французской поговоркѣ, бралъ добро отовсюду, гдѣ бы его ни находилъ. Если написана имъ „Вампука“ была въ два-три дня, то создавалась она въ общемъ лѣтъ пять по крайней мѣрѣ. — Что „Вампука“ не сочинена М. Н. самостоятельно, это несомнѣнно, но что она цѣликомъ написана имъ, это для меня несомнѣнно тоже. Когда онъ, довольно неожиданно, пришелъ ко мнѣ съ готовымъ первымъ актомъ, а потомъ дня черезъ три со вторымъ, и спросилъ мое мнѣніе: напечатать ли такую пародію *Новое Время*, — я отвѣтилъ:

— Если понравится Буренину.

Буренинъ сразу понялъ всю соль и смыслъ „Вампуки“, и она была напечатана, помнится, въ двухъ номерахъ. Но большинство читающей публики ее не поняло, и удивлялись, какъ можетъ серьезный, уважающій себя органъ прессы, заполнять такой белибердой столбцы. Если бы они знали, что „Вампука“ станетъ классической пародіей и попадетъ въ Энциклопедическіе словари! По крайней мѣрѣ у Брокгауза и Эфрона „Вампука“ отмѣчена.

Почему Тихоновъ не говорилъ ничего о существованіи „Вампуки“, когда основывалось „Кривое зеркало“ — не знаю. Я думаю, онъ просто забылъ о ней, и активного участія въ созданіи ея не принималъ. Онъ тогда задумывалъ оперетку на текстъ

изъ „Власти тьмы“ и одно время все пѣлъ про Никиту:

Парень могучій
И работающій
Сталь потрясучій
Кобель лядящій.

Къ „Вампукѣ“ онъ относился, быть можетъ, недостаточно „экспансивно“. Но, во всякомъ случаѣ, она всецѣло принадлежитъ перу Волконскаго.

П. Гнѣдичъ.

Замѣтки.

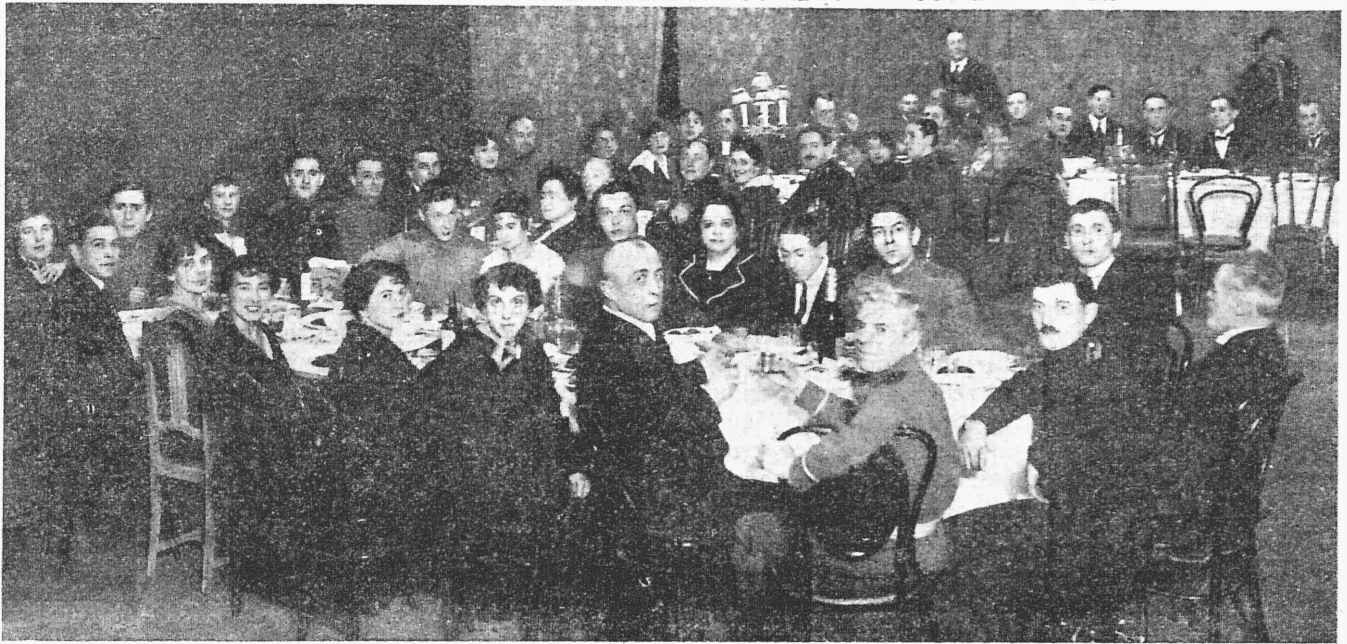
Когда думаешь, будучи словно не то въ туманѣ, не то въ тяжеломъ снѣ, о происходящемъ, обо всемъ, что называлось и было Россіей, и о томъ, что сейчасъ ею называется, то невольно мысль возвращается къ одному и тому же: либо то, что происходитъ, не настоящее, либо то, чѣмъ мы жили, было лишь кажущимся, а не настоящимъ. Говоря „мы“, я разумѣю русскихъ „культурныхъ людей“, надъ которыми еще Щедринъ подтрунивалъ, и которые однако заслуживаютъ не ироніи и насмѣшки, а глубокаго сожалѣнія.

И думая обо всемъ этомъ, я все чаще и чаще останавливаюсь на театральномъ, такъ сказать, мысли, что у насъ было слишкомъ много „театра“, т. е. что мы слишкомъ много жили въ области воображаемаго, возвышеннаго, предѣльнаго, такъ сказать, а главное, что привыкли къ такому порядку, когда домъ мой и жизнь моя — это чортъ ихъ дери, важно же, что, наскоро покончивъ со всѣмъ этимъ, я бѣгу въ театръ и набираюсь тамъ прекраснѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ идей и настроеній. При этомъ, разумѣется, такимъ „театромъ“ не является непременно зданіе, у подъѣзда котораго стоитъ фонарь, а рядомъ съ фонаремъ стоялъ городской, указывавшій очередь извозчикамъ, — подобнымъ театромъ могла быть и литература, и дружеская компанія, и всяческая мечта о счастьѣ, вселенскихъ идеалахъ и пр. И путемъ упражненія въ этомъ призрачномъ и воображаемомъ, — „театральномъ“ — мы, наконецъ, дошли до того, что

ТРОИЦКІЙ ТЕАТРЪ.

Рабъ (г. Тульчинскій).
„Саломея“. (Рис. г. Холмскаго).

Слѣва направо (сидятъ сзади): Игоревъ, Листовъ, Боронихинъ, Ермоловъ, Музиль-Бороздина, Лапицкій.
(въ глубинѣ): Градовъ, Чудовская, Нерадовскій, Миронова, Муравьевъ.
(впереди): Хворостовъ, Денисовъ, Музалевскій.

Союзъ драматическихъ артистовъ Малаго театра.

жизнь и дѣйствительность превратили въ миѳъ, а миѳъ превратили въ дѣйствительность.

Такъ мы дошли до того, что погубили Россію. У насъ, т. е. предъ нашими глазами, были двѣ Россіи—одна, воображаемая, театральная, которую мы считали настоящей, и настоящая, которую мы считали, если не призрачной, то, во всякомъ случаѣ, временной и преходящей. Эту воображаемую, театральную Россію, которую мы считали настоящей, мы рядили въ разные костюмы—то славянофильскіе „боярскіе“ à la Кирѣевскій, Хомяковъ и т. п., то въ социалистическіе, общинно-артельные à la Герценъ и анархическіе à la Бакунинъ, то въ православно-мистическіе à la Достоевскій, и евангельскіе à la Толстой. Была у нѣкоторыхъ и самодержавная мистика, былъ, такъ сказать, театръ мистическаго самодержавія. Въ книжкѣ извѣстнаго Иліодора о Распутинѣ есть одна замѣчательная сцена, когда Распутина привезли къ Гермогену, и тотъ, распалившись на Распутину великимъ гнѣвомъ, стучитъ въ неистовствѣ посохомъ и предаетъ Григорія анаѳемѣ. „Будь проклятъ—анаѳемствуешь епископъ,—за то, что ты волочишь по грязи самодержавіе, которое съ великимъ тщаніемъ и усердіемъ выпестовала православная церковь для величія Россіи“. Картина исключительной трагической силы, и читая эти страницы, я думалъ о томъ, какой тутъ изумительный матеріалъ для театра. Увы, опять театръ... Да, театръ!..

Отверженіе дѣйствительности во имя призрачнаго театра собственнаго воображенія и ничѣмъ неограниченной мечты—это общая болѣзнь всего русскаго сознанія. Въ частности, въ смутѣ нашей и государственнo-общественномъ разложеніи роковую роль сыграли какъ разъ наиболѣе гениальные представители нашей литературы, Толстой и Достоевскій, отвергавшіе законъ человѣческій во имя закона Божескаго. Въ нашей литературѣ я знаю только двухъ гениевъ, вполне свободныхъ какъ отъ религіозной фантастики, такъ и отъ анархической морали. Это—Пушкинъ и Островскій. Пушкинъ,

потому что онъ былъ свѣтлымъ духомъ своимъ настоящій эллинъ, творившій съ той самой „беззаботностью жизни“, которой онъ восхищался въ Шекспирѣ; и Островскій, потому что этотъ прекраснѣйшій русскій человѣкъ былъ истиннымъ, немудрствующимъ христіаниномъ, потому что его христіанство было „не отъ міра сего“, не социаль-реформаторское, а отъ міра нездѣшняго, освѣщавшее лучистой теплотой законъ человѣческій, но не мѣнявшее и не разрушавшее его основъ. Толстой и Достоевскій—съ одной стороны, а какой-нибудь Нахамкесъ-Стекловъ или какъ ихъ тамъ называютъ, социаль-учителей, собирающихся путемъ перераспредѣленія шубъ насадить социалистическое блаженство съ другой,—это, конечно, кошунственное сопоставленіе; потому что одни гениальны, а другіе просто подмастерья митинговаго цеха, и тѣмъ не менѣе есть что-то общее въ утопизмѣ, въ внушаемой сознанію наивной вѣрѣ въ чудо преображенія, въ то, что жизнь есть сонъ, а сонъ, мечта, театральная фикція есть дѣйствительность. Когда Толстой во имя социального прогресса и личнаго блаженства тачалъ сапоги, а Достоевскій прославлялъ старца Зосиму и православіе, которымъ спасется міръ,—въ этомъ было такъ же мало истиннаго и послѣдовательнаго чувствованія жизни, какъ и въ революціонныхъ утопіяхъ всеобщаго равенства. Всеобщее равенство, какъ идея реальной жизни, находится въ непримиримомъ, очевидномъ, всѣми ощущаемомъ противорѣчій со всѣми нашими чувствами,—со слухомъ, обоняніемъ, осязаніемъ, зрѣніемъ и т. п. Міръ только потому и существуетъ, только потому и воспринимается, что онъ покоится на неравенствѣ. Когда мы говоримъ: „здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!“—мы уже этимъ привѣтствіемъ утверждаемъ неравенство, ибо Иванъ Ивановичъ, [не есть Иванъ Петровичъ, и наоборотъ...]

Но да здравствуетъ мечта! Да здравствуетъ театральные герой! Идеаль опрошенства, „народной правды“, живущей гдѣ то на днѣ народной

души, мечта объ искусителѣ нашихъ грѣховъ, въ образѣ мужика, потомъ переименованнаго въ пролетарія—все это было „театромъ для себя“, по еврейновскому выраженію. Каждый творилъ театръ для себя. Геніи творили геніальный театръ, а которые попроще—поплоче. Но жили всѣ не въ жизни, осязаемой и конкретной, а въ райскихъ эмпиреяхъ театрального воображенія.

Театръ такъ наполнилъ наше сознаніе, что когда стряслась бѣда, къ невѣжеству массъ вообще, не понимающихъ сложности жизни, присоединилась болѣзненная, извращенная мысль значительной доли культурныхъ классовъ. Развратъ непритивленства, сгубившій революцію, могъ возникнуть только на мечтательной, театральной почвѣ, воздѣланной тольстовскими идеями. Международный мессіаниззмъ, что Россіи де предстоитъ сказать новое слово и показать міру новые пути, это отъ Достоевскаго, отъ славянофиловъ, отъ Герцена, отъ народничества и пр. Всѣ эти возвышенныя и прекрасныя идеи были „религіею рабовъ“, какъ выражался Ницше, были театромъ, куда мы уходили отъ гнета самодержавія и тоски забитаго обывательскаго существованія. Но такъ давно, такъ систематически мы посѣщали этотъ театръ, радуясь въ чертогахъ этихъ фантазій, что на минуту перестали быть рабами, что и впрямь повѣрили въ мечты и впрямь сочли театральную фантастику за дѣйствительность.

Съ нами случилось тоже, что случилось бы съ христіаниномъ, который евангельскіе завѣты счелъ бы не за голосъ неба и потустороннее солнце, а за кодексъ повседнежнаго нашего поведенія. Такой христіанинъ, подставляя другую щеку подъ ударъ, самъ себя унижающій и самъ себя лишающій всякой защиты, былъ бы немедленно смятъ жизнью и проглоченъ борьбою за существованіе. Одно изъ двухъ: или раздѣляя ученія нашихъ литературныхъ свѣточей, мы должны были исчезнуть, какъ исчезаетъ огромная, великая, полная дарованій и возможностью Россія, или же мы должны были впасть въ великое лицемеріе, одновременно признавая и не признавая эти идеи. Въ обоихъ, однако, случаяхъ—дряблость, неспособность къ сопротивленію, смерть... Оглядываясь назадъ, на нашу литературную, художественную и философскую мысль, и чѣмъ мы тѣшились, думая, что, тѣшась, живемъ, видишь, какъ глубоко былъ правъ пьяный Чебутыкинъ изъ „Трехъ сестеръ“, безпрестанно повторяя афоризмъ Декарта: „можетъ быть, мнѣ только кажется, что я существую...“ Было, какъ говорила Савина—„сцена моя жизнь“, литература—мой вертоградъ, евангельскія утопіи Толстого и Достоевскаго—мое прибіжище, а околоточный, и вся русская дѣйствительность, покоившаяся на околоточномъ—все это лишь „мнѣ кажется, что существуетъ“...

Къ умирающей Россіи эпитафіей должно поставить слѣдующія строки Альфреда де Мюссе:

Elle est morte, et n'apoint vécu,
Elle faisait semblant de vivre:
De ses mains est tombé le livre,
Dans lequel elle n'a rien lu.

Она мертва, и вовсе не жила, а дѣлала лишь видъ какъ будто жизни: изъ руки ея вывалилась книга, въ которой ничего она не прочитала... Такъ и мы: жили и будто не жили, держали въ рукахъ книгу судебъ и исторіи, но держали ее, если можно выразиться, вверхъ ногами, и когда эту книгу выпустили, то была она для насъ такой же

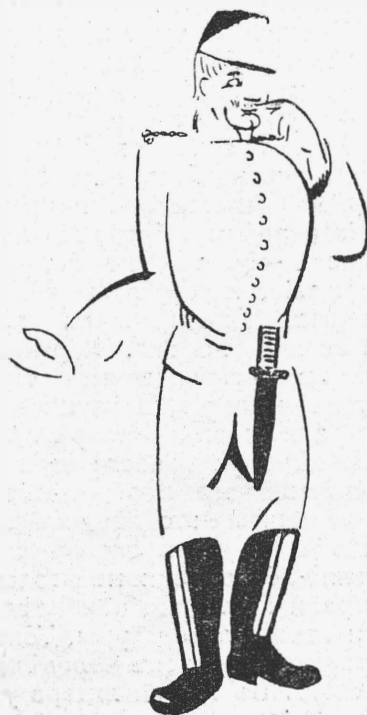
дѣвственной незнакомкой, какъ и въ тѣ времена, когда, живя въ дворянскихъ гнѣздахъ, на дикомъ невѣжествѣ крѣпостного права основанныхъ, мы занимались англазированными парками и нѣмецкой метафизикой...

Природа вещей—вотъ что было чуждо нашей мысли и вотъ что мы замѣняли театромъ. Самыя невѣроятныя идейныя новшества и самыя крайнія теченія мысли уживались преблагополучно рядомъ съ родною азіатчиною и отсутствіемъ всякаго признака гражданственности. У Гл. Успенскаго гдѣ-то разсказывается, какъ послѣ представленія труппы мейнингенцевъ, онъ попалъ въ знаменитый въ свое время нѣмецко-петербургскій ресторанъ Лейнера, и былъ свидѣтелемъ дикой сцены: нѣмецъ-актеръ, перепившійся пивомъ, швырялъ толстыя кружки въ лакея, и кричалъ ему: „ты русски свини!“—кричалъ и буйствовалъ, пока его, наконецъ, не вывели. А былъ онъ за полчаса до этого Юлій Цезарь или Брутъ и пылалъ всѣми гражданскими или республиканскими добродѣтелями. А у Лейнера Юлій Цезарь пьянъ, какъ сапожникъ, и кричитъ: „русски свини!“ Вотъ нѣчто подобное было всегда въ нашей жизни. Гадко, тошно, накурено, нѣтъ ни проблеска разумной, культурной, ну, просто человѣческой жизни, но передъ вечеромъ повертѣлся, забѣжалъ въ театръ, или въ хорошей компаніи за самоваръ—фу, ты, ну, ты, сверхчеловѣкъ, метафизикъ, богоискатель, социальный реформаторъ, коммунистъ, анархистъ, да что хотѣлъ...

И жизнь, какъ два полушарія, была полна и сферовидна: на одномъ полушаріи пакость бытія, на другомъ—литературно-театральныя и интернаціонально-соціалистическія мечтанія...

Катастрофа, поглотившая Россію, приготовлена именно беспредѣльностью и безотвѣтственностью—съ практической и житейской точки зрѣнія—нашихъ мечтаній и фантазмагорій, нашей игры въ театръ всечеловѣчества, вселенства, непро-

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

Солдатъ (г. Антимоновъ).
„Хороводъ“. (Рис. г. Фракассъ).

тивленства, анархии, нео-христианства и пр. Такъ какъ всѣ эти театральныя игры насъ ровно ни къ чему не обязывали и ничего—даже лишней пуговицы—въ нашемъ обиходѣ не требовали, то почему же не требовать театрально-утопическихъ игръ, такъ сказать, экстра-модернъ? И въ одинъ прекрасный день доигрались... Доигрались совершенно такъ, какъ иной пожилой актеръ, втянувшійся въ амплу благороднаго героя, говоритъ изъ театральныхъ монологовъ, а потомъ и радъ на попятный, да не можетъ.

Мы проиграли Россію на билетъ въ театральную галерку. Вотъ скоро загасятъ огни, спектакль окончится.. Какъ ни волшебнo было зрѣлище, а надо идти домой, въ темный уголъ жалкой избы, которую практическая и реалистически-трезвая Европа отведетъ намъ для жилья! Нервно комкаемъ мы въ рукахъ отрѣзокъ, талончикъ театрального билета,—сморщенный, смятый и засалившійся. Цѣна 55 коп. Только и всего?—Да, только... И съ этой контрамаркой отъ театрального билета надъ нами спустится долгая, безконечная ночь...

Нотa novus.

По провинціи.

Вологда. Въ составъ труппы гор. театра вступилъ артистъ студиі Художественнаго театра г. Бастуновъ (фатъ-резонеръ).

— Состоялся первый бенефисъ въ сезонѣ—г. Агѣева („Буридановъ оселъ“).

Екатеринославъ. Въ объявленіи драматической труппы А. А. Мурскаго печатается: „По предл. сов. раб. и солдат. деп. взимается 5% на нужд.“.

Кіевъ. Выступленіе группы артистовъ городского театра съ протестомъ по поводу не прекращающихся въ театрѣ броженій, встрѣтило рѣзкое осужденіе на общемъ собраніи артистовъ, хора, оркестра, балета и техническаго персонала. Присутствовавшіе на собраніи г-жа Монска. гг. Бэлина-Скупецкій и Ярославскій сочли себя оскорбленными отдѣльными выраженіями участниковъ собранія и заявили о своемъ уходѣ изъ состава труппы.

— Протестъ мѣстныхъ антрепренеровъ. 18 ноября городскому головѣ поданъ слѣдующій протестъ кіевскихъ антрепренеровъ по поводу обложенія театровъ новымъ налогомъ:

„Протестуя самымъ категорическимъ образомъ противъ постановленія Думы о новомъ непосильномъ налогѣ на театры и кинематографы, мы рѣшительно заявляемъ, что такого рода походъ на театрѣ является совершенно недопустимымъ ни съ моральной, ни съ матеріальной стороны и подчиниться такому требованію мы, къ нашему сожалѣнію, при нынѣшнемъ положеніи вещей, не въ силахъ, если бы даже городское управленіе угрожало намъ закрытіемъ театровъ. При желаніи городского управленія выслушать подробную мотивировку настоящаго нашего протеста мы просимъ пригласить представителей союзомъ: антрепренеровъ, киновладельцевъ, сценическихъ дѣятелей, оркестрантовъ кино-служащихъ и театрального технического персонала“.

Слѣдуетъ свыше 60 подписей.

Н.-Новгородъ. Театр. комитетомъ внесенъ рядъ существенныхъ измѣненій въ контрактъ города съ будущимъ антрепренеромъ. Какъ извѣстно, контрактъ съ А. И. Ростовцевымъ кончается этимъ сезономъ, и управой сдѣланъ вызовъ новыхъ антрепренеровъ. Срокъ сдачи театра опредѣленъ два года, причемъ театръ сдается только на зимніе сезоны съ сентября по 1-ое мая, въ остальное время зданіе будетъ находиться въ вѣдѣніи города. Арендная плата назначается 15,000 руб. за зимній сезонъ, вѣшалки и буфетъ остаются въ пользу города. Городъ устанавливаетъ кромѣ того 10%-ную надбавку на билеты на всѣ мѣста въ свою пользу. Отъ антрепренера въ интересахъ улучшенія художественной стороны дѣла постановлено потребовать приглашеніе въ труппу специалиста-режиссера (не играющаго), представленіе репертуара за 2 недѣли впередъ, разработаннаго плана постановки дешевыхъ спектаклей (утреннихъ и вечернихъ) и т. д. Предположенный измѣненія въ контрактъ, съ отзывомъ городской управы, будутъ представлены на утвержденіе городской думы.

Одесса. 19 ноября состоялось открытіе народнаго театра въ городской аудиторіи. Театръ организованъ союзомъ

артистовъ-воиновъ, состоящимъ при просвѣтительной секціи сов. солд.-деп. и объединившимъ драматическихъ, оперныхъ и украинскихъ артистовъ, состоящихъ нынѣ на военной службѣ. Ставятъ пьесы артисты государств. театровъ А. Л. Загаровъ, арт. моск. Художеств. театра А. И. Адашевъ и режиссеръ, арт. одес. Гор. театра г. Барышевъ. Дирижеръ А. А. Залевскій. Для открытія были поставлены: утрѣмъ опера „Демонъ“. Вечеромъ „На днѣ“, (постановка А. И. Адашева).

— Къ арендѣ городск. театра. Претендентами на аренду гор. театра выступаютъ покамѣстъ В. С. Севастьяновъ, прѣхавшій сюда съ этой цѣлью, Л. Я. Липковская, И. С. Зонъ, А. Р. Аксаринъ, О. З. Сусловъ, М. К. Максинъ, А. И. Сибиряковъ.

Рязань. Намъ пишутъ: „Городской театрѣ переселятъ у г. Извольскаго—Лигой Московскаго Военнаго Округа въ лицѣ организатора артиста-режиссера И. И. Рыкова. Въ труппу приглашены: Н. Ф. Амосъ ва (молад. героиня); А. Н. Медвѣдева (героиня); Н. А. Герціанова (инж.); А. Я. Борская (бытовая); М. Н. Попова 1-я (ing.-кокет.); О. В. Эртынь—(гр. дама); С. П. Полова 2-я (старуха); Кульганекъ, Малевская, Рямилѣва, Никольская—2-я роли. Н. А. Листовъ (герой); Шатскій, Кваснецкій и Велери (любовники); Рѣчной (герой-резонеръ); Извольскій (комикъ-резонеръ); И. И. Рыковъ (характерн. герой); П. В. Чинаровъ (комикъ-проstackъ); Сахаровъ (характ.); Сорокинъ (2-й люб.); Ковалевскій (резонеръ) Потуловъ (проstackъ); Моисѣевъ, Востоковъ, Ивановъ, Павловъ—2-я роли. Художникъ Алякринскій. Суфлеръ Ростовскій. Пом. реж. Валерскій.“

Всѣ актеры—военные, но съ окладами нормальнаго жалованья.

„27-го октября с. г. открытъ зимній сезонъ. Въ открытіе шелъ „Пигмалионъ“ съ уч. Н. Ф. Амосовой; 2-мъ спектаклемъ „Цѣна жизни“, съ уч. А. Н. Медвѣдовой и Листова и 3-й спектакль „Горькій цвѣтъ“, съ уч. Рыкова и Герціановой. Первый полумѣсяцъ прошли по 722 р. на кругъ (безъ вѣшалки и марокъ). На всѣ новинки открыты абонементы. На-дняхъ организаторомъ и главнымъ режиссеромъ И. И. Рыковымъ открывается клубъ артистическій и кооперативъ.“

Всѣ понедѣльники отданы подъ спектакль исключительно для солдатъ Рязанскаго гарнизона и дешевыя мѣста въ театрѣ поступаютъ въ распоряженіе рабочихъ организацій.

NN.

Саратовъ. Драма въ гор. театрѣ дѣлаетъ прекрасные сборы. „Смертная тоска, потребность уйти отъ жестокой дѣйствительности гонить публику въ театры“,—такъ объясняютъ „Сар. В.“ переполненіе театровъ. Началась серія бенефисовъ. Прошли уже слѣд. бенефисы: г-жи Слонова („Дуракъ“), Смирнова („Сердце не камень“) и г-жи Привѣтовой („Любовь“).

Таганрогъ. Между антрепренеромъ городского театра Н. К. Шателенъ и артистомъ В. М. Шумскимъ возникли столь серьезныя недоразумѣнія, что г. Шумскій вынужденъ былъ прекратить участіе въ спектакляхъ. Разсмотрѣніе этого инцидента взяла на себя гор. культ.-просвѣт. комиссія, рѣшенію которой изъявили готовность подчиниться обѣ стороны.

Тифлисъ. Намъ пишутъ: „Казенный театрѣ пока что вновь остался безъ комиссара. Послѣдній комиссаръ г. Коргановъ принужденъ былъ отказаться отъ своей должности, вслѣдствіе вмѣшательства союза служащихъ театра въ его полномочія. Союзъ служащихъ пригласилъ на должность комиссара театра кн. І. Зах. Андронникова, хорошо знакомаго съ театральнымъ дѣломъ и не чуждаго музыкѣ и, вообще, искусству. Но кн. Андронниковъ поставилъ имъ ультиматумъ невмѣшательства въ его полномочія. Видимо, эта перспектива мало улыбается союзу служащихъ, такъ какъ постъ комиссара театра они затѣмъ предложили Н. Г. Картылову, который, насколько извѣстно, согласился на роль исполнительн. власти союза служащихъ.“

Вообще, вокругъ казеннаго театра и должности его комиссара идутъ безконечныя пререканія и разговоры“.

Эть-Донатъ.

Харьковъ. Е. А. Полевицкая, заболѣвшая воспаленіемъ легкихъ, вполнѣ поправилась и уже выступаетъ на сценѣ. — Въ театрѣ ходятъ упорные слухи о возможномъ вступленіи въ составъ труппы Синельникова еще въ текущемъ сезонѣ Н. Н. Ходотова.

— Артисты театра Н. Н. Синельникова во время представленія „Дворянскаго гнѣзда“ собрали въ публикѣ 2760 руб. въ пользу престарѣлыхъ артистовъ и дѣтей сиротъ. Собранныя деньги Н. Н. Синельниковымъ отправлены въ Театральное Общество.

— Изъ состава труппы городского театра вышелъ В. А. Блюменталь-Тамаринъ.

Провинціальная лѣтопись.

Баку. Первымъ открылъ зимній сезонъ театръ Тагіева гдѣ подвизается драма А. В. Полонскаго, за нимъ 1-го октября—театръ Бр. Маиловыхъ, заарендованный у прошлогодняго арендатора П. И. Амираго О-вомъ „Народный Домъ“ подѣ оперу.

Русская драма началась переводной пьесой Горина-Горяинова „Комедія Двора“, давшей битковому сборъ, за ней послѣдовала „Ложь“ Винниченко, „Казнь“ Ге, „Мистеръ Бу“, „Великолѣпная“ Фальковского, „Флавія Тессини“, Щепкиной-Куперникъ, „Черные Вороны“ Протопопова, „Голубая кровь“ Отто Бирбаума.

Съ особеннымъ успѣхомъ проходитъ „Флавія Тессини“, пьеса не претендующая на оригинальность и глубину, но по истинѣ пьеса для театра, довольно занимательная по фабулѣ, „пьеса съ ролями“. Въ заглавной роли знаменитой артистки выступила новая для насъ артистка г-жа Тагіанова — молодая, съ свѣжимъ дарованьемъ и хорошими внѣшними данными. Судя по ряду ролей, которая она за короткій промежутокъ времени успѣла сыграть, — Королеву Анну въ „Комедіи Двора“, Варвару въ „Черныхъ Вороновъ“, Кэтъ въ „Казни“ и пр., — это артистка съ интереснымъ будущимъ. Удачнымъ партнеромъ ей въ роляхъ героя-любовника выступаетъ г. Оболенскій, актеръ съ искоркой: хорошо сыграны имъ роли Югана Христiana въ пьесѣ Бирбаума „Голубая Кровь“, князя Глѣба Волоцкаго въ „Флавіи Тессини“, Принца Кирилла въ „Комедіи Двора“ и пр.

Первенствующее положеніе въ труппѣ занимаетъ также и г-жа Агринцева, грандъ-дамъ и одновременно героиня, пользующаяся у бакинцевъ довольно солиднымъ успѣхомъ: удачно исполнены ею роли Наталіи Павловны въ „Лжи“ Винниченко, заглавныя въ „Великолѣпной“ Фальковского и пр.

Хорошъ г. Любимовъ-Ланской, резонеръ и фатъ; артистъ нѣсколько, пожалуй, суховатый, но умный и интересный: хорошъ въ роли „Мистера Бу“.

Пріятный тонъ у артиста г. Мартынова, съ хорошимъ комизмомъ исполнившаго рядъ ролей — доктора Вурибранда въ „Голубой Крови“, Патера въ „Разбойникахъ“ Шиллера и пр.

Хорошими силами показали себя изъ новыхъ артистовъ г-жи Мравина, Дарскаа, Черная и г. Санинъ.

Пользуется, какъ и въ прошлый сезонъ, большими симпатіями комическая и характерная старуха г-жа Микельская.

Изъ числа молодыхъ артистовъ прошлыхъ составовъ труппы стоитъ отмѣтить г. Каблукова, постепенно выравнивающегося въ интереснаго исполнителя бытовыхъ характерныхъ ролей, и г-жу Таланову, актрису съ искоркой, молодую энженю, недурную исполнительницу подростковъ и мальчишекъ.

Съ послѣднихъ чиселъ октября въ театрѣ Тагіева начались гастрольные спектакли К. О. Шорштейна, и безъ того удачные сборы съ началомъ гастролей стали еще лучше. Гастрольныя премьеры — „Кинъ“, „Женитьба Бѣлугина“, „Гамлетъ“, „Разбойники“, „Гибель Содомы“ — проходить при битковыхъ сборахъ. Гастролеръ пользуется большимъ успѣхомъ. Не все въ исполненіи г. Шорштейна одинаковой художественной цѣнности, есть у него и очень крупные недочеты: чисто-внѣшніе эффекты, судорожность въ мимикѣ, движеніяхъ, жестахъ и пр., но при всемъ томъ это несомнѣнно одаренный, вдумчивый, временами оригинальный, артистъ.

Хороши дѣла также и у оперной труппы въ театрѣ Бр. Маиловыхъ: при прекрасныхъ сборахъ прошли неоднократно „Травиата“, „Жидовка“, „Аида“, „Кармень“, „Борисъ Годуновъ“, „Пиковая Дама“, „Гугеноты“, „Севильскій Цирюльникъ“, „Евгеній Онѣгинъ“ и на дняхъ приступлено къ представленію серіи новыхъ, еще не шедшихъ въ Баку, оперъ. Постановки „Царской Невѣсты“ Р.-Корсакова и „Галки“ Манюшки должны быть отмѣчены, какъ интересные факты, въ лѣтописяхъ мѣстной театрално-музыкальной жизни. И за это слѣдуетъ привѣтствовать управляющаго дѣлами о-ва „Народный Домъ“ Д. А. Черномордикова, принимающаго живое участіе въ постановкахъ театра, а также знакомыхъ столицѣ главнаго режиссера Н. Н. Боголюбова и дирижера А. Э. Маргуляна, присутствіе которыхъ въ предпріятіи является залогомъ того, что оно не будетъ просто коммерческимъ предпріятіемъ, каковымъ оно, впрочемъ, не было и въ прошлые сезоны при П. И. Амираго.

Изъ артистическихъ силъ въ труппѣ слѣдуетъ въ первую голову отмѣтить пользующихся особымъ успѣхомъ у публики интереснаго баритона г. Орду, даващаго блестящее исполненіе ролей Царя Бориса, Эскамильо-торреадора, г. Гукасова, создаващаго рядъ интересныхъ въ музыкально-ху-

дожественномъ отношеніи образовъ — Элезара, Радамеса и пр., г-жу Старостину, хорошую лирическую сопрано, знакомую по прошлогоднему сезону, а также г-жу Деранкову, создающую выразительныя фигуры Лиды, Рахили и пр.

Труппа въ общемъ состоитъ изъ хорошихъ силъ — г.г. Боброва, Чафанова, Венецианова, Кузина, Шарашидзе, Струкова-Баратова, Лебедева, Терлицкаго, г-жъ Евгеньевой, Ворониной, Шапошниковой, Павловой, Мининой, Лисичкиной.

Особо слѣдуетъ отмѣтить выступленіе г-жи Гутманъ въ роли Лиды, молодой пѣвицы съ прекраснымъ драматическимъ сопрано. Артистка, имѣвшая большой успѣхъ, можно предсказать значительное будущее.

Дирижерскую часть съ г. Маргуляномъ съ успѣхомъ дѣлать г. Хорошанскій, въ „Жидовкѣ“, „Кармень“ и пр. Оркестръ — стройный. Интересный балетъ подѣ управленіемъ г. Новиковскаго. Хоръ — довольно приличный.

По пятницамъ въ театрѣ Бр. Маиловыхъ идутъ при большихъ сборахъ армянскія представленія. Во главѣ труппы, содержимой Армянскимъ Культурнымъ Союзомъ, стоитъ любимецъ публики г. Абельянъ. Помимо него, изъ интересныхъ силъ въ нее входятъ талантливый писатель — артистъ Мик. Мануэлянъ, Костаніанъ, Гулазіанъ, г-жи Жасменъ, Майсүрианъ и пр. Идутъ „Старые Боги“ Шанта, „Злой Духъ“ Ширванзаде, „Мадамъ Иксъ“ и „Поташъ и Перламутръ“. Готовятся къ постановкѣ новая пьеса Ширванзаде на злобу дня изъ жизни армянъ въ Турецкой Арменіи „Въ дни ужаса“, съ большимъ успѣхомъ прошедшая въ Тифлисѣ, и послѣдняя пьеса Шанта изъ временъ Византии „Кесарь“.

Въ театрѣ Тагіева, по примѣру прошлаго сезона, по пятницамъ идутъ татарскіе спектакли. Играетъ та же труппа, тотъ же репертуаръ. Сборы громадные.

Въ залѣ Мусульманскаго Благотворительнаго О-ва съ ноября начались, по инициативѣ Директора Музыкальнаго училища Я. А. Рыжинскаго и при его талантливомъ участіи, камерные вечера, привлекающіе, благодаря интересной программѣ и хорошимъ силамъ, многочисленную публику. На вечерахъ съ большимъ успѣхомъ выступаютъ преподаватели училища — г.г. Гольдштейнъ, Бретаницкій (скрипачъ), Доброхотовъ (виолончель), г-жа Доброхотова, г. Рыжинскій (рояль), г-жа Щегловитова (пѣніе) и пр.

Нельзя не отмѣтить еще одного симпатичнаго начинанія: на дняхъ начнеть функционировать „Народно-солдатскій театръ“ въ хорошемъ помѣщеніи бывшаго кафешантана „Казино“, заново ремонтируемомъ. Театръ возникъ по инициативѣ мѣстнаго журналиста Глахенгауза, мѣстныхъ артистовъ Балабаненко и Когана, отбывавшихъ въ Баку воинскую повинность. Съ этой цѣлью 23 октября во всѣхъ мѣстныхъ театрахъ и циркѣ были устроены вечера и былъ выпущенъ на этотъ день спеціальныя журналы „Артистъ—Воину“, давшіе достаточно средствъ на первоначальные расходы по дѣлу. Въ труппу приглашены хорошія актерскія силы, какъ-то: г-жа Преображенская, г. Балабаненко и пр. Главнымъ режиссеромъ состоитъ артистъ и драматургъ Константиновъ, авторъ „Хамки“ и др. пьесъ.

Побывала у насъ въ октябрѣ и Иза Кремеръ. Было два вечера. Были полные сборы. Пѣсенки ея имѣли шумный успѣхъ.

Сергѣй Айвазовъ.

Симбирскъ. Спектакли труппы Д. И. Басманова въ городскомъ театрѣ начались „Женитьбой Бѣлугина“ 15 сентября. Составъ труппы: г-жи Мигановичъ, Голодкова, Огинская, Омарская, Тарьева, Викторова, Бекъ-Назасьянъ, Весеньева, Нильская, Спѣшневъ, Медвѣдева, Корецкая, Дружинина и Долинская. Г-да Муромцевъ, Сверчковъ, Ярцевъ, Артаковъ, Молотовъ, Галацкій, Смирновъ, Васинъ, Набатовъ, Горевъ, Потоцкій и Долинскій. Помощникъ режиссера Ярославскій, суфлеръ Соколовская, декораторъ Простаковъ, уполномоченный дирекціей Васинъ и администраторъ Челищевъ. Завѣдываетъ художественной частью самъ Д. И. Басмановъ, главный режиссеръ Муромцевъ и очередные режиссеры Ярцевъ и Артаковъ. Дѣло поставлено Д. И. Басмановымъ образцово — пьесы исполняются съ рѣдкимъ ансамблемъ и обставляются съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ; публика это очевидно оцѣнила, т. к. сборы все время небывалые для Симбирска, даже и въ военное время. Изъ постановокъ самого Д. И. Басманова нельзя не отмѣтить „Войну“, „Касатку“ и „Женщину въ 40 лѣтъ“. Прекрасно были поставлены П. Д. Муромцевымъ „Разбойники“, „Трильби“, „Новый миръ“, „Донъ жуанъ“ и „Эгмонтъ“. Изъ исполнителей прочную симпатію публики завоевали г-жа Огинская (роли Химки и „Женщина въ 40 лѣтъ“), Голодкова въ „Войнѣ“ — жена въ „Преступленіи“ — жена въ „Новомъ Мирѣ“ — Мерція. Мигановичъ (Касатка, Кавалини, „Романъ“, Анны Карениной, артистки „Гвардейскій офицеръ“ Омарская инженокъ комикъ (роли жены въ пьесѣ „Любовь на стражѣ“, Руды, „Женщина въ 40 лѣтъ“). Хорошая коми-

ческая старуха г-жа Тарьева. Полезныя начинающія артистки Г-жи Викторова, Бекъ-Назарьянъ, Весельева и Нильская. Г. Муромцевъ несетъ колоссальный трудъ, какъ главный режиссеръ, притомъ играя почти ежедневно роли героев-любовниковъ—особенно удались роли Бѣлугина, Свенгали, Эгмонта и Хмарина (Весенний потокъ). Очень хорошій комикъ-резонеръ г-нъ Сверчковъ. Художественно провелъ цѣлый рядъ ролей—Сганарель, Водяной (Потонувшій колоколъ), отецъ Бѣлугина. Г-нъ Ярецъ умно съ большимъ художественнымъ тактомъ исполняетъ роли драматическихъ резонеровъ. Г-нъ Артаковъ—разнообразный и интересный артистъ, исполнитель ролей молодыхъ любовниковъ и простаковъ—лучшая роль Феликса (Женщина въ 40 лѣтъ). Многообщающій молодой резонеръ г. Галацкій. Г-ну Молотову очень удались роли Ильи (Касатки) и лѣшаго (Потонувшій колоколъ) артистъ еще молодой, но очень полезный. Дирекціей упраздненъ въ антрактахъ оркестръ, чего, конечно, нельзя не привѣтствовать ввиду устарѣлости этого театральнаго шаблона, но за то очень часто даютъ прекрасныя музыкальныя иллюстраціи, какъ напримѣръ, сопровождавшая пьесу „Эгмонтъ“, музыка Бетховена, для чего былъ специально сформированъ небольшой оркестръ изъ лучшихъ въ городѣ музыкальныхъ силъ, руководилъ которыми съ большимъ вкусомъ г. Галацкій.

Вѣдъ Азъ.

Оренбургъ. Скудно и неинтересно, на мой взглядъ, нынче въ театрахъ. Вотъ, напр., у насъ ихъ цѣлыхъ два: въ городскомъ—труппа А. М. Каралли-Торцева, въ народномъ домѣ—„свободный театръ совѣта солдатскихъ депутатовъ“. Не правда-ли громкое названіе? Но чѣмъ эти „свободные“ театры отличаются отъ тѣхъ, которые мы имѣли раньше, до революціи, въ темныя мрачныя времена реакціи?

Современному зрителю мало идти въ театръ только затѣмъ, чтобы отдохнуть въ немъ, развлечься. Когда-то весьма умно было сказано: „театръ—великая трибуна, съ которой можно сказать міру много хорошихъ истинъ!“ О, какъ бы можно было использовать эту трибуну теперь, въ это ужасное время анархіи и чуть ли не всеобщаго озвѣренія!

Но развѣ реагируетъ сколько нибудь театръ, развѣ дѣлаетъ онъ хотя ничтожныя попытки пойти навстрѣчу запросамъ зрителя, раньше обывателя, а теперь, какъ говорятъ, уже гражданина?

Нѣтъ цензуры, нѣтъ никакихъ стѣсненій, а поди-жъ ты только тѣмъ и занимаются, что добываютъ изъ архива что-нибудь постарѣе, да похуже. Никакого отклика на современность. Просмотрите репертуаръ и народнаго дома и городского театра—все тоже, что было въ прошломъ году, что было 5—10 лѣтъ тому назадъ. Раньше справлялись въ кассѣ и тогда только составляли репертуаръ, а теперь, вѣдь, и въ этомъ нѣтъ никакой надобности: билеты нарасхватъ.

И вотъ свобода въ „свободныхъ“ театрахъ проявилась только въ одномъ: въ пониженіи уровня художественной стороны. Холста-де нѣтъ, гвоздей тоже—отсюда аховая внѣшняя часть. Но—„гвоздей“ не хватаетъ и въ составѣ актеровъ.

О труппѣ „свободнаго“ театра нельзя говорить сколько-нибудь серьезно. Актеровъ „ротъ наплакалъ“, преобладаютъ любители. Есть слухи, будто въ ближайшемъ времени труппа будетъ пополнена. Подождемъ—увидимъ. Справедливо отнѣтитъ—гг. „товарищи“ приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы почистить народный домъ. Въ немъ сейчасъ, дѣйствительно, очень уютно и тепло, что рѣдкость по нынѣшнимъ временамъ.

Въ городскомъ театрѣ совсѣмъ непривѣтливо: онъ какъ будто сталъ еще ниже, а, вѣдь, и раньше зрители стукались лбами о потолокъ фойѣ. Раздвижной занавѣсъ куда-то исчезъ, въ шутку говорятъ: „актеры употребили на брюки“.

Зато труппа здѣсь несоизмѣримо выше. Прямо скажу—никакого сравненія со „свободнымъ“ театромъ. Пока не было героини, но на ея мѣсто приглашена нѣкая г-жа Усачева. Въ мужскомъ персоналѣ гг. Себастьяновъ и Успенскій несомнѣнно серьезныя величины.

По традиціи раздѣлите болѣе подробное сужденіе о труппѣ отложить до другого раза. Въ общемъ—и скудно, и грустно... но опять-таки, вѣдь, и то правда—„вездѣ и во всемъ разруха“.

С. Наумовъ.

Пенза. Зимній сезонъ въ Народномъ Домѣ открылся 26 сентября пьесой „Ночной туманъ“. Труппа большая и гораздо сильнѣе прошлагодной. Въ главныхъ роляхъ: Сарнецкая (героиня), Валента (комедійная и инженеръ), Львовичъ (героиня), Кочубей І, Горская (пожилыя роли и старья), мужскія: Двинскій, Свѣтловидовъ (неврастеникъ), Лидинъ (комическій), Муратовъ (резонеръ), Абрамовскій, Руквишниковъ.

На вторыхъ роляхъ: Одинцова, Пушкарева, Марценевичъ, Кочубей ІІ, Орловская, Ганторина, Ногаевъ, Сафроновъ, Ростовскій, Волконскій, Чайкинъ. Режиссеромъ былъ приглашенъ Алексѣевъ, но до сихъ поръ не прибылъ, и его обязанности несетъ Муратовъ. Суфлеръ—Онѣгинъ.

Труппа встрѣтила хорошій пріемъ и въ теченіе мѣсяца успѣла завоевать себѣ прочныя симпатіи. Особенно выдѣляются: Двинскій, Сарнецкая, Валента, Львовичъ, Лидинъ, Свѣтловидовъ, Муратовъ, Горская, Кочубей І. Репертуаръ довольно пестрый: „Идіотъ“, „Мысль“, „Пигмаліонъ“, „Коварство и Любовь“, „Осенній Скрипки“, „Братецъ Іонушки“, „Горькая Судьбина“, „Уриель Акоста“, „Карьера Наблюдателя“, „Севильскій Кабачекъ“, „Девятый Валъ“, „Милые Призраки“, „Дни нашей жизни“. Играютъ пять разъ въ недѣлю; по воскресеньямъ—утренники. Очень приличная постановка. Сборы прекрасные: можно сказать, театръ, за рѣдкими исключеніями, полонъ.

Бывшій электро-театръ „Кинемо“ поступилъ въ вѣдѣныя Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ и въ этомъ сезонѣ приспособленъ для драматическихъ спектаклей. Въ двухъ ярусахъ можетъ вмѣстѣ человѣкъ восемьсотъ. Освѣщается электричествомъ. Имѣетъ приличную труппу и небольшой, но хорошій оркестръ, въ которомъ много консерватористовъ и бывшихъ оркестровыхъ музыкантовъ.

Спектакли начались въ первыхъ числахъ октября. Поскольку мнѣ пришлось видѣть („Весенній Потокъ“, „Соколы и Вороны“, „Дѣти Ванюшина“) труппа составлена прилично. Симпатіями публики пользуются: Злобинъ (резонеръ, онъ же режиссеръ), Покорскій, Юркевичъ, Адамовичъ, Барановичъ, Калашниковъ, Стрѣльниковъ. Театръ называется „Просвѣщеніе“ и предназначенъ для демократической публики, которая усердно его посѣщаетъ.

Ип. Ф.

Репертуаръ Петроградскихъ театровъ.

Александринскій театръ. 27-го нояб. „Проф. Сторицынъ“ 28-го „Вишневый садъ“, 29-го въ 1-й разъ „Дочь моря“ 30-го „Живой трупъ“, 1-е „Дочь моря“.

Маринскій театръ. 27-го съ уч. Шалапина „Русланъ и Людмила“, 28-го „Князь Игорь“, 29-го бал. „Тщетная предосторожность“, 30-го „Евгеній Онѣгинъ“, 1-го декаб. „Карменъ“.

Михайловскій театръ. 27-го нояб. „Шейлокъ“, 28-го „Мопсе“, 29-го „Стаканъ воды“.

Театръ Незлобина Ежедн. „Царь Іудейскій“.

Малый театръ. 26-го утр. „На днѣ“, веч. „Черная Пантера“ Нач. 7 1/2 ч.

Опера въ Народномъ домѣ. 26-го утр. „Фаустъ“, веч. „Лакмѣ“, 27-го съ уч. Собинова, „Галька“, 28-го съ уч. Кузнецовой, „Тайсъ“, 29-го съ уч. Шалапина „Фаустъ“, 30-го съ уч. Собинова и Кузнецовой „Ромео и Джульета“, 1-го съ уч. Шалапина „Мефистофель“, 2-го „Дубровский“. Нач. 7 час.

Кривое Зеркало. Ежедневно „Хороводъ“. Нач. 7 1/2 ч.

Театръ Сабурова. „Воспитаніе принца“. М. Доннѣ. Нач. 8 час.

Паласъ-театръ. „Куколка“. Съ уч. Э. Гистедтъ. Нач. 7 1/2 ч.

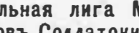
Троицкій театръ. „Саломея“. Нач. 8 и 9 1/2 ч.

Литейный театръ. 26-го и 27-го „Папа Фру-Фру“, 28-го премьера—„Любовь втроемъ“. Нач. 8 1/2 ч.

Театръ Зброжекъ-Пашковской. „Безнравственная женщина“, „Флиртъ“, „Бимъ-Бомъ“, „Жоржикъ“, „Сарацинскій танецъ“. Нач. 7 1/2 и 9 ч.

Троицкій фарсъ. „Призывъ 1938 г.“. Нач. 7 1/2 и 9 1/2 ч.

„Невскій Театръ“. „Контролеръ спальныхъ вагоновъ“. Нач. 8 1/2.

Справочный отдѣлъ.

Культурно-просвѣтительная лига М. В. О. при Московскомъ Областномъ Бюро Совѣтовъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

Городской театръ, Республиканскій клубъ и Благородное Собраніе въ Рязани могутъ быть сданы на отдѣльные дни, за свѣдѣніями обращаться, къ Уполномоченному Лиги Московскаго Военнаго Округа при Областномъ Бюро Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ И. И. Рыкову въ Рязани.

Въ Сибирь, въ дирекцію Н. Арнольдова, въ крупное драматическое дѣло съ Рождества требуются артисты и артистки. Контракты годичные. За репетиціи плата 1/2 оклада. Уполн. дирекціи состоитъ А. А. Цвѣткова. Омскъ, Коммерческая часть. № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 годъ на „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“,

(22-й годъ изданія),

съ приложеніемъ „Библиотеки Театра и Искусства“, въ которой будутъ помѣщены новыя репертуарныя пьесы и пр. („Король-Арлекинъ“, Лотара, „Гиблое мѣсто“, Евг. Чирикова, „Я — король“, Ведекинда, „Блаженная“, О. Миртова. „Отреченіе“, новыя пьесы Л. Урванцова, П. Гнѣдича и др.).

Подписная цѣна на годъ 25 руб.

Допускается разсрочка: 15 р. при подпискѣ, 5 р.—1 апрѣля и 5 р.—1 іюня. За границу 40 р.
На полгода 15 руб. (съ 1 января по 30-е іюня). За границу 25 р.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

Петроградъ, Вознесенскій просп., 4. — Телеф. 16-69.

Новинки къ зимнему сезону.

ИЗДАНІЯ „ТЕАТРА и ИСКУССТВА“.

„ТѢНИ ЛЮБВИ“, въ 4 д. Ник. Лернера (ролей женск. 3 мужск. 5). Цѣна 5 руб. (Реперт. театра Незлобина).
„КОРОЛЬ-АРЛЕКИНЪ“, въ 4 д. Лотара. Ц. 4 р.
„ГИБЛОЕ МѢСТО“ (Грустная комедія), въ 3 д. Евг. Чирикова. Ц. 5 руб.
„МАЛЕНЬКАЯ ДѢВЧОНКА СЪ БОЛЬШИМЪ ХАРАКТЕРОМЪ“. („Святая простота“), ком. въ 3 д. Перев. съ англ. Ц. 6 р.
„Гороль Иты“, Сем. Юшкевича (реп. Перевдинскаго театра П. П. Гайдебурова). Ц. 5 руб.

„Конецъ Мессіи“, въ 4 д. Ю. Жулавскаго (изъ временъ появленія еврейскаго лже-мессіи). Единств. разрѣш. авторомъ, переводъ съ рукописи Ал. Вознесенскаго. Ц. 4 р.
„Провокаторъ“, др. въ 1 д. Ив. Дондарова. Ц. 2 руб.
„Парныя кровати“ („Супружескія затѣи“), въ 3 д. Перев. М. Потапенко. Ц. 5 р.
„Отреченіе“ (перев.), въ 3 д. А. Бурдвоскова. Ц. 6 руб.

Выписывать изъ конторы „Театра и Искусства“.

ѢОМА ѢОМИЧЪ ОПИСКИНЪ.

Ком. въ 4 д. съ прологомъ, по Ѣ. М. Достоевскому, перед. Мих. Зацкаго. Цѣна 4 руб. (Идетъ въ московск. Художественномъ театрѣ въ другой передѣлкѣ подъ названіемъ „СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО“).

Изданіе журнала „Театра и Искусства“.

Изданіе (печатное) журнала „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“

КОРОЛЬ-АРЛЕКИНЪ

пьеса въ 4 дѣйств. Фр. Лотара, единственный переводъ съ оригинала.

П. С. Бернштейна.

Цѣна экземпляра 4 рубля.

ИЗДАНІЯ

„ТЕАТРА и ИСКУССТВА“.

„Бахарахскій раввинъ“ въ 3 д. и 6 к. (была снята съ реперт. по распор. администр.) Ц. 4 р.

„Черные вороны“, (была подъ запрещ.) въ 5 д. В. Протопопова. Ц. 4 р.

„Анатѣма“, Л. Н. Андреева. Ц. 4 р.

„Зеленый какаду“, въ 1 д. Ц. 1 р. 50 к.

„Бюрократическимъ путемъ“, политическ. шаржъ въ 1 д. О. Дымова. Ц. 1 р. 50 к.

„Въ таежномъ уголкѣ“, п. въ 4 д. А. Ястребова. Ц. 4 р.

„Жертвы террора“, въ 4 д. Эдмона Гиро, перед. И. Небогатова. Ц. 4 р.

„Сынъ народа“, въ 5 д. Георгія Гребенщикова. Ц. 4 р.

„Пробужденіе весны“, Ведекинда. Ц. 4 р.

Одноактныя пьесы изданія „ТЕАТРА и ИСКУССТВА“:

(По 1 руб. 50 коп.)

„Амнистія“ (по Геймермансу), Андрея Марена.
„Негодяй“ Л. Урванцова.
„Игра въ кошки и мышки“, С. Шиманскаго.
„Гдѣ были мои глаза“, п. въ 1 д. Н. В. З.
„Любовь на вѣсъ“, пер. З. Львовскаго.
„Она“, др. эт. В. Гарина.
„Они“, шутка, пер. М. Потапенко.
„Далеко пойдешь“, пер. М. Потапенко.
„Сотрудники“, скэтчъ. І. Арденина и Б. Гейера.
Сборникъ, 2 пьесы:
„Забытый цилиндръ“, въ 1 д. (репет. т. „Кривое Зеркало“), Лорда Дежени и „Жертва“, др. въ 1 д. О. Дымова.
„Однолюбовъ“, Н. А. З. и П. Ю.
„Чтобы было тихо“, Артема въ 1 д.
„Чудо-жена“, Д. Айзмана.
„Оживленный статуй“, въ 1 д. Л. К. (реп. „Кривого Зеркала“).

„Ванькина литература“, процессъ творчества въ 1 д. (реп. „Кривого Зеркала“) Б. Гейера.
„Опасный флиртъ“, ш. въ 1 д. Андр. Марена.
„Флиртъ“, С. Шиманскаго.
„За честь женщины“, А. Марена.
„Послѣднія тучки“, въ 2 д. перев. бар. Дризена. Ц. 2 р. 50 к.
„Общество борьбы съ роскошью“, (реп. Литейнаго театра).
„Духъ Коли Бузыкина“, скэтчъ Амба (изъ реп. Литейнаго театра).
„Что говорятъ, что думаютъ“, Б. Гейера (изъ реп. „Кривого Зеркала“).
„Вода жизни“, п. въ 4 графинахъ Б. Гейера (изъ реп. „Кривого Зеркала“).
„Крокодилы“, И. Потапенко.
„Спекулянты“, (изъ реп. Литейнаго театра) Б. Бентовина.

„Причуды Милэди“, скэтчъ Стэнли, пер. Гр. Аполлонова.
„Благодѣяніе“, Николая Урванцова.
„Бѣдный Федя“, скэтчъ въ 2 к., соч. Алиба. Ц. 2 р. 50 к.
„Нина вождь, нина сушъ“ пер. съ англ.
„Горе отъ гипнотизма“, ш. въ 1 д.
„Курьеръ Ея Величества“, въ 1 д. Гр. Аполлонова.
„Идолы священной горы“, въ 3 карт. пер. съ англ. М. Потапенко (реп. „Кривого Зеркала“).
„Нелицемеры“, скэтчъ изъ американской жизни, Гр. Аполлонова.
„Психологическій моментъ“, скэтчъ, Франка-Массона, пер. Гр. Аполлонова.
„Пылкій мужчина“, ком. въ 1 д., пер. З. Львовскаго.
„Черная Бетси“, скэтчъ, пер. М. Франчичъ.